

УДК 930.23

**ТАТАРСКИЕ ЦАРЕВИЧИ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ
ЛИТОВСКОМ (XV–XVIII ВВ.)****С.В. Думин^{1,2}**¹ *Российская генеалогическая федерация
111250, Москва, Российская Федерация*² *Российское Дворянское Собрание
109028, Москва, Российская Федерация
E-mail: stanislaw.dumin@yandex.ru*

В статье рассмотрена генеалогия трёх поселившихся в Великом княжестве Литовском в XV – начале XVI в. семей ордынских царевичей (солтанов). Первый из них происходил от «царевича Сихдохмана с Перекопа» (по всей вероятности, хана Сиди-Ахмеда). Второй, царевичи Острынские, были потомками крымских Гиреев, третий, «царевичи Заволжские», впоследствии именовавшиеся царевичами Пунскими, были потомками Халлек-солтана, племянника последнего хана Большой Орды Шах-Ахмата (Шейх-Ахмеда). В начале XVI в. эти царевичи поддерживали контакты с Большой Ордой и Крымом и играли определенную роль в дипломатических отношениях Великого княжества с татарскими ханствами. Позже они превращаются в обычных служилых землевладельцев, хотя и занимали среди литовско-татарской аристократии почетное место и сохраняли свой традиционный титул царевича.

Ключевые слова: литовские татары; Чингизиды (Джучиды); царевичи (солтаны), Острынские; Пунские; Шах-Ахмат (Шейх-Ахмед); Менгли-Гирей; Великое княжество Литовское; Большая Орда; Крымское ханство.

Для цитирования: Думин С.В. Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском (XV–XVIII вв.) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 2. С. 385–419.

Оживленные контакты Литвы с Золотой Ордой и активное вмешательство литовского великого князя Витовта и его преемников в борьбу претендентов на власть над улусом Джучи имели одним из последствий появление на землях Великого княжества Литовского (далее: ВКЛ) татарского населения. В Литве находили убежище свергнутые ханы с семьями, благодаря поддержке Вильно отдельным Чингизидам удалось утвердиться на ханском престоле, а один из них, Хаджи-Гирей (по некоторым данным, даже родившийся в Литве), стал родоначальником правившей четыре века крымской династии. Но некоторые царевичи навсегда связали свою судьбу с Великим княжеством. Получая земли и крестьян, ханские сыновья (солтаны), как и другие татары, вливались в состав класса феодалов ВКЛ, сохраняя при этом и даже передавая по наследству титул царевичей.

До настоящего времени известны три такие семьи, выехавшие в Литву и владевшие там землями по крайней мере на протяжении нескольких поколений.

1. Потомство «царевича Сихдохмана с Перекопа»

Эта семья поселилась в Литве ещё в XV в., но точное время их «выезда» неизвестно.

В 1559 г. князь Богдан Огинский, которому король Сигизмунд Август поручил провести ревизию татарских имений в ВКЛ, со слов татарина Ясена Тивешевича записал, что ещё при короле Казимире IV (т.е. до 1492 г.) «прыехал царевич на име Сихъдохъман с Перекопа, цара перекопского Менькерев брат», которому король пожаловал под Зеймами (неподалеку от Ковно) свой Мордасовский двор и 80 служб крестьян [54, л. 911–911 об.]¹.

Данные ревизии 1559 г., казалось бы, позволяли отнести этих царевичей к роду Гиреев, но в родословной Гиреев «царевич Сихдохман», якобы брат Менгли-Гирея, не упоминается [2].

На самом деле, очевидно, речь идет о хане Большой Орды Сеид-Ахмеде, сыне хана Керим-Берди, внуке хана Тохтамышша [2, с. 98–99]. Он в 1452 г. потерпел поражение в борьбе с Хаджи-Гиреем (отсюда, может быть, и смутные воспоминания его потомков о выезде «с Перекопа»), бежал в Киев, затем был перевезен в Вильно, позже поселен в Ковно, где и умер около 1459 г. [3, с. 123–124; 18, с. 205, 367–368; 74, с. 256–259; 19, л. 97 об.–98]. Неподалеку от Ковно был расположен и Мордасовский двор, видимо, переданный ему в «кормление».

Как видно из ревизии татарских имений, у него было два сына – царевичи *Воймин* и *Кирко*, владевшие двором под Жеймами [54, л. 911–911 об.]. По всей вероятности, пожалование это получили именно они, а не их отец. Ю. Вольф отмечает, что «сын царя Шидихмата получил от короля Казимира двор Жейминский под Гегужином» [85, с. 641].

В переписи литовского войска 1528 г. среди бояр Ковенского повета отдельно названы «люди царевича, што под ним же мешкают» (четыре человека, один из них «з братьею»; судя по именам – литовцы) [57, стб. 68]. Возможно, речь идет именно о владениях потомков «Сихдохмана».

Кирко потомства не оставил, а у Воймина было трое детей: бездетный царевич *Ахмат* (ум. до 1559 г.) и царевны *Роза* («Рожа»), жена Ясена Тивешевича, и *Каника*, замужем за Сонком Стерковичем. Со своих владений Сихдохман и его дети выставляли на службу 30 всадников. Численность их отряда, отмеченная в ревизии 1559 г., по обычным нормам (согласно постановлению сейма, 1528 г., один всадник с восемью крестьянских служб) [57, стб. 7]. должна была быть втрое меньше. Не исключено, что царевичи просто отправляли «на войну» всех татар, оставшихся у них на службе. Впрочем, уже вдова Воймина продала это имение панам Завишам (владевшим им с 1559 г.) [54, л. 911–911 об.].

Из перечисленных лиц в 1542 г. упоминается Роза (Рожа), жена татарина Есена Тевешевича; с ними за двор на р. Святой судился тогда татарский хорунжий Олишко Казкевич [31, л. 187 об.].

¹ О том, что Сиди-Ахмед (Сидихмат) в 1452 г., потерпев поражение в борьбе с Хаджи-Гиреем, укрылся в Литве, «где жизнь закончил», и что «сын царя Шидихмата получил от короля Казимира двор Жейминский под Гегужином» упоминает и Ю. Вольф [85, с. 641].

К середине XVI в. по мужской линии этот род уже угас. Но к тому времени в ВКЛ существовали ещё два других рода ордынских цариц, принявшие фамильные прозвания по своим здешним владениям, *царицы Острынские* и *царицы Пунские*.

2. Царицы Острынские II или III поколение от Хаджи-Гирея

1/X. Царевич Девлеш-солтан Гирей

(?–до 1507).

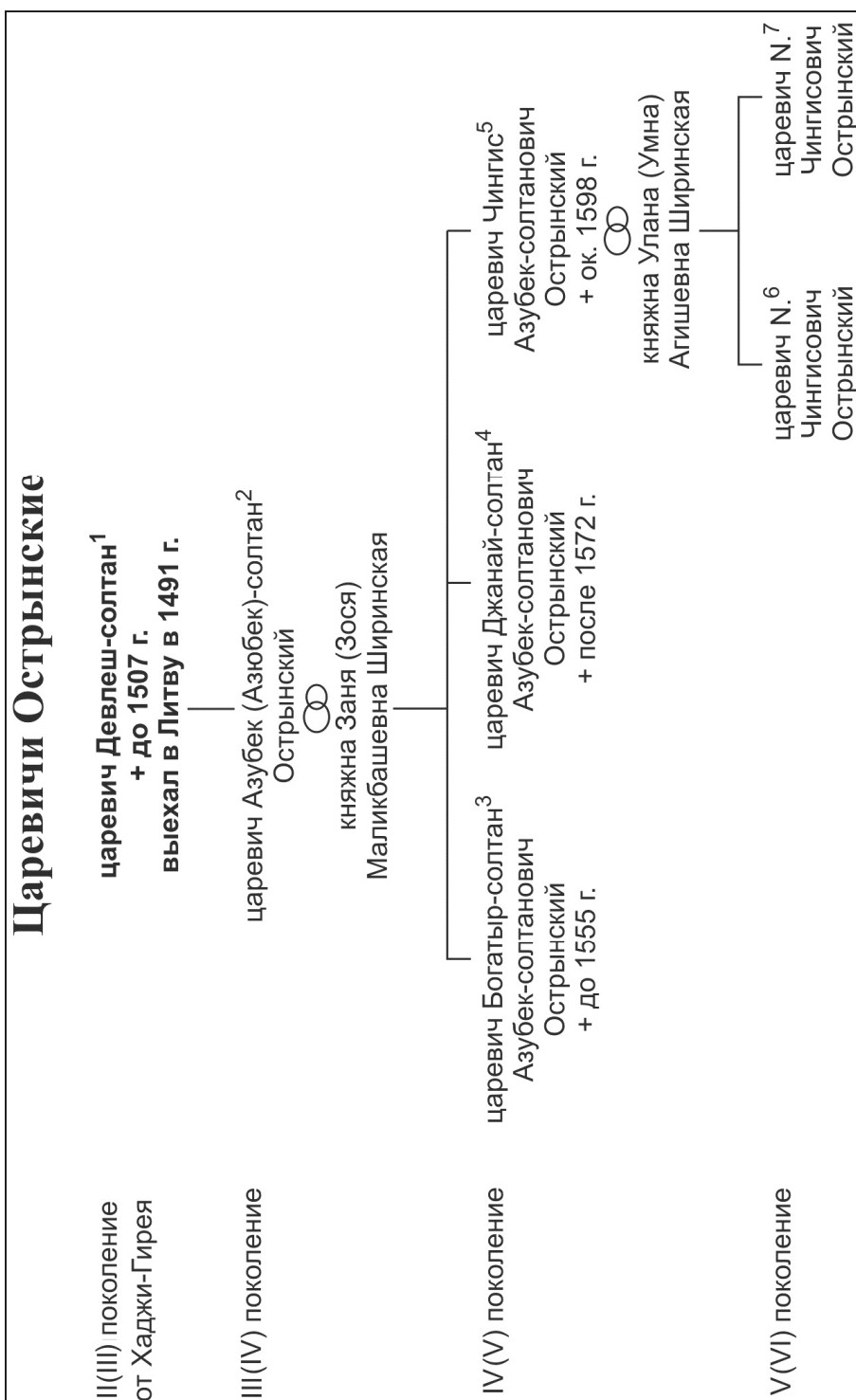
Сын или внук основателя крымской династии Гиреев, хана Хаджи-Гирея² (? – 1466), брат или племянник хана Менгли Гирея (? – 1515, правил в 1468–1515 гг.), соответственно, принадлежал к XII или XIII поколению от Чингиз-хана³.

Как упоминается в нескольких публикациях, в 1491 г. в Великое княжество Литовское выехал из Крыма брат Менгли Гирея царевич Изтемир с племянником (именно так!) царевичем Девлешем [19, л. 454–454 об; 85, s. 75–76]. Первоначально они находились на Украине, но уже в конце 1492 г. московский посол сообщал из Крыма, что *«те царицы, сказывают, поженились в Литве, а отведены с Украины далече вглубь»* [85, s. 75–76]. С ними выехали в Великое княжество и некоторые другие татары, в том числе представители знати, например Маликбаша-мурза (родоначальник литовской ветви князей Ширинских)⁴ [9]. Очевидно, царевич Девлеш умер до 1507 г., когда его сын царевич Азубек впервые упоминается в дипломатической переписке между Крымом и Литвой (см. ниже).

² Соблазнительно было бы отождествить его с сыном Хаджи-Гирея Даулет-яром, [2, с. 98–99], что вполне соответствовало бы тексту грамоты хана Менгли-Гирея, где «Девлеш-солтан» назван его братом; в родословной Гиреев (Гераев), опубликованной в интернете Девлеш-солтана называют сыном Даулет-яра, но источники нам неизвестны.

³ Родословная основателя династии Гиреев (сейчас их стали именовать Гераями, но мы используем традиционное написание) не установлена окончательно, в литературе высказываются по этому поводу разные точки зрения. Русский родословец XVII в. («Бархатная книга») называет отцом Хаджи-Гирея «Дулат-Перди-улана» («У Дулатъ Перди Улана сынъ Азигирей; жилъ у Казимера Короля въ Литве, и Казимеръ его отпустилъ на Крымъ». [55, с.25 («Род Крымских царей»)]. Сейчас обычно считается, что отцом Хаджи Гирея был *Гыяс-эд-Дин*, старший сын *Таи-Тимура* (потомка Чингиз-хана в IX поколении), который в 1395 г. был провозглашён независимым крымским ханом, но вскоре, во время нашествия на Золотую Орду войск Аксак Тимура, изгнан из своих владений, а его сыновья Гыяс-эд-Дин и Девлет-Берди должны были бежать в Великое княжество Литовское. В начале XV в. братья поддерживали хана Тохтамыш в борьбе с темником Едигеем, и Гыяс-эд-Дин погиб в одной из этих битв, а его малолетнего сына спас верный слуга. В 1419 г., после гибели Едигея, дядя Хаджи-Гирея Девлет-Берди «Дулат-Перди-улан» «Бархатной книги») утвердился в Крыму, а в 1427 г. даже захватил столицу Золотой Орды – город Сарай, но вскоре был убит другим претендентом на престол – ханом Бораком. Гыяс-эд-Дин происходил от *Джанак-оглана*, младшего брата Туй-Ходжи-оглана (отца хана Тохтамыш и был потомком *Тука-Тимура*, 13-го сына Джучи.

⁴ В грамоте королю Сигизмунду I 1507 г. хан Менгли Гирея 1507 г. писал, что «Маликбаша и Хозяш, наши слуги, [в]озле брата моего Аздемир царицы были [...], своею волею зашли» (т.е. прибыли в Литву не как пленники, а по доброй воле), и просил их отпустить в Крым. [19, л. 48].

III или IV поколение от Хаджи-Гирея

2/1. царевич Азубек (Азюбек)-солтан Острынский

Азубек-солтана в предшествующих публикациях называли сыном хана Шейх-Ахмеда (Шах-Ахмата) [73, s. 245; 67, s. 77 и др.]⁵. Эта же информация содержится в биографии Шейх-Ахмеда, опубликованной Р.Ю. Почекаевым [18, с. 243–244]. Но это утверждение не основано на источниках. Азубек-солтан действительно принадлежал к ближайшему окружению этого хана, но в документах сыном Шейх-Ахмеда он ни разу не назван⁶.

Из грамоты Менгли Гирея королю Сигизмунду I (около 1507 г.) явствует, что крымский посол Мамыш-улан, воротясь из Литвы, сообщил хану, что «брата нашего с[ы]на, Довлеш Солтанова с[ы]на [0]зубек солтана, што ж в него королева данина отънята, и дано одному москвитину». Хан просил короля «сего Озубека солтана брата нашего [...] чести ховати» и вернуть ему имение [19, л. 97 об.–98]. «Братом» хан называет в послании не только отца Азубека, но и его самого, следовательно, это указывает на близкое родство, не определяя его точно; в действительности, как уже отмечено выше, отец Азубека приходился Менгли-Гирею племянником.

В списке раздач короля Сигизмунда I первой половины 1507 г. («тогда ж в Кракове давано татаром жито и соль») отмечено, что царевичу Азюбеку выдано 6 коп грошей «съ скарбу» [20, л. 437 об.]. Таким образом, в то время тот вместе с некоторыми другими литовскими татарами (сопровождаящими короля) находился в Польше, при краковском дворе.

11 апреля 1514 г. Сигизмунд I известил остринского наместника о пожаловании царевичу Узубек (Азубек)-солтану 70 «острынских господарских конюхов» (перечисленных поименно), 6 пустошей и двух паробков под Острыной (Лидский повет) [21, л. 79 об.–80]⁷. По местоположению этого имения (позже известного как Рыча) Азубека и его потомков стали именовать царевичами Острынскими.

В реестре татар, 24 апреля 1520 г. поступивших на службу (за жалование) для участия в войне с Тевтонским орденом, которые 27 мая того же года прибыли под Торунь, первым упоминается «Czarewicz super equos suos proprio», царевича сопровождали ещё 19 всадников составлявшие его личный отряд (за который он получал жалование); общая численность отряда, которым он ко-

⁵ Эта «устоявшаяся» точка зрения повлияла и на нашу первую публикацию о татарских царевичах [12]. Самое печальное, что вскоре после сдачи рукописи в издательство были обнаружены документы, позволившие нам пересмотреть этот вывод предшественников, но технический редактор сборника отказалась внести в макет даже совсем небольшую правку (несколько строк). До сих пор обидно, ведь именно та первая статья размещена в Интернете и цитируется последующими авторами (см., например [18, с. 243–244, 382]), хотя эта ошибка была уже давно исправлена в нескольких наших публикациях [4 и др.].

⁶ Конечно, можно было бы предположить, что его отцом был сводный брат Шейх-Ахмеда Даулет-султан (о нем см.: [2, с. 241]). Но крымский хан вряд ли стал бы хлопотать за племянника своего злейшего врага и соперника (в том же документе он пишет королю: «а коли бы вы неприятеля нашего в себе не мели есте, вси бы дети наши к вам, к великому королю, втекалися вам на послугу, и некоторые лихие люди межи нами не могли бы лиха вчинити» [19, л. 97 об.]).

⁷ Ввести царевича во владение король поручил своему маршалку и писарю татарскому князю Абрагиму Тимирчичу, о чём известил своего остринского наместника.

мандовал, составляла 130 всадников [82а, s. 109–110; 83, s.197]⁸. К сожалению, трудно судить, был это Азубек или же Халлек-солтан, племянник хана Шах-Ахмата (см. ниже родословную царевичей Пунских). Владения Азубека были крупнее, но Халлек, выехавший в Литву позже, мог иметь с собой больше людей, составлявших его отряд.

После возвращения хана Шах-Ахмата в Орду весной 1527 г. Азубек-солтан оставался в Литве, вместе с ханским «братаничем» Халлеком. Шейх-Ахмед просил короля прислать ему на помощь «до Черкас» его «брата» Халлек-солтана и «Озубек-солтана», «и з ыншыми люд[ь]ми добрыми». Сигизмунд I обещал хану, что пришлет обоих царевичей в Киев и велит там жить, «поки ты, брат наш, з войском своим на непрятеля своего не выйдешь» [19, л. 1001, 1017, 1021]. Но уже вскоре, в 1528 г., престарелый хан был убит [18, с. 357], и в конечном итоге Азубек, как и Халлек, связали свою судьбу с ВКЛ.

18 октября 1529 г., когда королевич Сигизмунд Август, провозглашенный великим князем литовским, был торжественно посажен на трон рядом с Сигизмундом I, на этой церемонии в числе прочих лиц (епископов, литовских и польских панов, представителей боярства разных земель) присутствовали и «против моистату блиско сидели два царевича на лавках» [17, с. 236]. Одним из них, несомненно, был Азубек, вторым – очевидно, Халлек-солтан. В свите короля Азубек присутствовал на сеймах [1, с. 230]. Он занимал первое место в иерархии литовско-татарских родов [24, л. 336–336 об.] и выполнял функции арбитра и судьи в спорах между местными татарами [30, л. 70–70 об.; 73, s. 245; 85, s. 639]. По поручению Сигизмунда I этот царевич выдавал служилым татарам и свидетельства о шляхетстве, подтверждаемые королем на тех же основаниях, что и аналогичные «листы», выданные боярам-шляхте назначенными для этого литовскими панами [1, с. 230]. К нему, вместе с татарскими хорунжими и маршалками, обратился 29 июня 1531 г. король Сигизмунд I, извещая о назначении маршалком татарским князя Шахманцера Касимовича, с обозначением его места в старшинстве высших татарских должностных лиц в ВКЛ [28, л. 187–187 об.]⁹.

Уже после отъезда Шейх-Ахмеда Азубек получил несколько дополнительных пожалований. В 1531 г. ему было пожаловано в Минском повете крупное имение Положин (после умершего Федька Святоши) [73, s. 245; 95, s. 639].

В 1532 г. ему были выданы из литовской казны 10 коп грошей и постав «лунского» (лондонского) сукна [27, л. 185–185 об.].

⁸ Тышкевич отмечает, что нет возможности сказать, был это царевич Острынский Азубек или царевич Пунский (причём, как и другие предшествующие авторы, считает последнего потомком Нур-Давлета, а Азубека сыном Шах-Ахмата). В числе татар, которые служили под его командованием, был Мортуза Маликбашич (с 5 всадниками), сын уже упоминавшегося крымского мурзы из рода Ширин. Татары, служившие в этих отрядах, получали от короля жалование, 4 злотых на коня. В августе 1520 г. татарская кавалерия понесла большие потери в битве у небольшого города Решель в Вармии [82а, s.109–115; 83, s.197].

⁹ «Под тремя хорунжими, под Санчиковичом [Уланом, о них см. ниже – С.Д.], Петровичом [Найманом – С.Д.] и хоружим новгородским [...] и нехай бы ништо от третьего хоружого новгородского его у местцу его в местцу не поседал») [28, л. 187–187об.].

1 февраля 1535 г. из литовской канцелярии «писаны листы до поветов и князей и панов и земян о войну, абы на службу земьскую ехали против Москвы, кром далеких земель, яко замьков украинных, так з Воляня и з Жомойти людей не рушано». При этом отдельно были посланы указания в земли и в поветы, и отдельно – князьям и панам, тем, кто являлся на службу со своими особыми отрядами. Последним в этом списке упомянут такой лист, посланный «до царевича Азюбек Солтана» [47, л. 253 об.].

В «реестре чиненя заплаты за службы дворянам господарским» (придворным) за 1536 г. есть записи о выдаче «царевичу Азибек солтану» адамашка на одежду, сукна, денег (10, затем 15 коп грошей) [29, л. 37–38 об.], т.е. в это время он также находился в свите Сигизмунда I.

В том же 1536 году король в листе трокскому воеводе приказал, «абы татарыну царевичу Озюбек Солтану землю пустовскую Степановщизну у Троках подал до воли господарской» [28, л. 603 об.], т.е. это пожалование было только временным. Последнее известное нам упоминание о нем относится к июлю 1540 г., когда трое татар из околицы Мерешляны (Виленский повет) представили на утверждение королю «лист судовой царевича Озюбек солтана и Фурса Улана Асанчюковича» [30, л. 70–70 об.].

Сын Азубека царевич Чингиз владел также имением Берестовица (Бжостовица)-Бигене в Волковысском повете, «на повинности военной» пожалованным его «предкам», т. е., очевидно, также отцу [54, л. 850–850 об.].

В 1541 г. с «царевичем Обедеем» по какому-то делу судился пан Шимко Мацкевич, но царевич тогда на суд не явился, о чём имеется краткая запись в одной из книг «судных дел» Литовской метрики [47, л. 169].

На одном из документов 1530 г. сохранилась его печать с родовым знаком Гиреев – «тарак-тамгой», но с небольшим изменением (как видно из рисунка, приведённого С. Дзядулевичем, правая от зрителя «ножка» тамги отогнута в сторону); в этом виде такая эмблема была известна у казахов под названием «солтан-тамга», и принадлежала она царевичам-Чингизидам, носившим титул солтана [73, s. 245]¹⁰.

В Литве Азубек женился на дочери уже упоминавшегося выше крымского заложника (затем карачая улуса ширинов) княжне Зане (Зосе) Маликбашевне [9] и оставил сыновей *Богатыр-Солтана, Джаная и Чингиза* (см. ниже).

IV или V поколение от Хаджи-Гирея

3/2. царевич Богатыр-солтан Азубек-солтанович Острынский,

+ до 1555

Вероятно, старший сын царевича Азубек-солтана Острынского родился в Литве. Вместе с братьями царевичами Джанаем и Чингизом унаследовал обширные отцовские владения.

Царевич Острынский Богатыр-Солтан и его брат (не названный по имени) в 1546 г. начал дело о землях в Положине с крестьянами Любошанского двора (спор шёл о некоторых землях, на которые претендовали и положинские, и любошанские люди, и о бобровых гонах, т.е. права охоты на бобров). 8 ноября 1546 г. его рассмотрение было отложено [33, л. 83 об.–84], а в

¹⁰ Как заметил С. Кричинский, аналогичный знак был и тамгой казахского племени ялоир [75, s. 73–76].

1547 г. царевичи проиграли процесс; приговор этот король утвердил в 1548 г.; позже «братья царевичи» уступили («вечностью продали») часть Положина пану Николаю Нарушевичу [53, л. 209; 85, s. 639].

Богатыр-Солтан умер бездетным до 16 ноября 1555 г., когда король подтвердил их матери и брату, царевичу Чингизу Азубек-Солтановичу Острынскому, владение Рычей [34, л. 21–21 об.; 85, s. 639]. 13 августа 1583 г. Чингиз внес этот привилей в книги Литовского трибунала [39, л. 314; 40, 229–230 об.].

4/2. царевич Джанай-солтан Азубек-солтанович Острынский,

+ после 1572.

Из челобитья королю «царыцы Острынское Узубек Солтановой Зоей Медлибошовны» и ее сына Чингиза явствует, что по приговору трокского воеводы и лидского державцы М. Радзивилла ее сын Джанай получил равную часть «с тым другим сыном ее» (т.е. Чингизом) в имении под Острыной, но, «будучы розуму незуполного», притеснял своих людей, и те ушли на земли острынского старосты. Мать и брат Джаная 25 октября 1555 г. добились возвращения этих крестьян (см. ниже) [34, л. 21–21 об.]. Но Джанай продолжал владеть своей частью отцовских имений, заключал земельные сделки. 27 июля 1572 г. «Джанай Сольтанович Азибекович царевич Острынский» за 600 коп литовских грошей продал половину имения Положин на р. Березине литовскому земскому подскарбию Николаю Нарушевичу. На этом документе сохранился оттиск его печати с традиционным родовым знаком Гиреев – «тарак-тамгой» [10; 70, s. 17; 80, k.3] (его отец использовал эту эмблему в несколько изменённом виде, см. выше).

Джанай, очевидно, владел, по жене, также частью Колдычева в Новгородском повете. 11 марта 1595 г. король Сигизмунд III утвердил за Г.П. Униховским 5 волок земли в этом имении, которые ему продала «Семшубаниная Такьтамышовна Дчанаева Азьбек Солтановича царевичовая Острынская» [38, л. 522]¹¹.

Как было зафиксировано в источниках, Джанай умер бездетным после 1572 г.

Р.Ю. Почекаев, называя Джаная внуком хана Шах-Ахмата, приписывает ему попытку занять золотоордынский престол, отождествляя с «царем Янаем», ордынским царевичем неизвестного происхождения (предположительно из рода хана Ахмата), которого в 1549 г. провозгласил ханом ногайский бий Юсуф (ставший при нём бекляри-беком) [18, с. 244]. Но для этого нет абсолютно никаких оснований, тем более, что потомком Шах-Ахмата, как мы видели, «литовский» царевич Джанай не был.

5/2. царевич Чингиз Азубек-Солтанович Острынский,

+ ок. 1598.

Родился в Литве. Вместе с братьями царевичами Джанаем и Богатыр-солтаном унаследовал обширные отцовские владения, но сохранить их не сумели. В частности, часть имения Положин (Минский повет) «братья царевичи» уступили пану Николаю Нарушевичу (см. выше). Вместе с матерью добивался в 1555 г. возвращения крестьян, ушедших из имения Рыча.

¹¹ Колдычево принадлежало, по-видимому, не её мужу, а самой этой дочери ордынского князя Тохтамыша, очевидно, сохранявшей за собой часть этого имения и после пожалования Колдычева царевичам Пунским (см. ниже).

Из челобитья королю «царыцы Острынского Узубек Солтановой Зони Медлибошовны» и ее сына Чингиза, несмотря на отсутствие у Острынских документов на этих крестьян (по словам «царыцы», королевский лист пропал в Новогрудке у слуги ее сына, царевича Острынского Богатыр-Солтана – Легуша Собачковича), Сигизмунд Август («якож без перестани тая царыца и з сыном своим Чинъгисом доуки нам чынила», – с некоторым раздражением отмечает король в «листе» к остринскому старосте 25 сентября 1555 г.) распорядился вернуть им ушедших людей и утвердил имение под Острыной «на хлебокормление» ей, Чингизу и их потомкам, с обязанностью служить королю «потому, яко и муж ее а отец того Чингиза Узубек Солтан служил» [34, л. 21–21 об.]. 13 августа 1583 г. Чингиз внёс этот привилей на Рычу и на 70 человек конюхов острынских, «на паркгамене писаный», в книги Литовского трибунала [40, л. 229–230 об.]. 2 августа того же года он записал в книгу Новогрудского градского суда денежное обязательство жене, обеспеченное на имении Бжостовица-Бигене в Волковысском повете, а в 1588 г. продал это имение господарскому маршалку Мартину Курчу [54, л. 850–850 об.].

Владения этой семьи принадлежали к числу наиболее крупных татарских имений, хотя, разумеется, далеко уступали магнатским латифундиям (с которых выставлялось по сто и более коней).

Чингиз был женат на своей двоюродной племяннице, княжне Улане (Умне) Агишевне Ширинской. Этот брак упоминается в документе, выданном 30 мая 1591 г. её матерью, Янкой Качалаевной Улановной, женой Агиша Муртозича Маликбашича Ширинского. Янка Качалаевна пишет, что «дочьку свою княжну Улану Акишевну Ширинскую за человека зацного, за его милость Чинкгис Азюбек Солтана, царевича Острынского выдавши, теж посаг добры» дала [41, л. 28 об.–30]¹². После смерти царевича Чингиза остались малолетние дети (имена их нам неизвестны). Их дядя и опекун, князь Ян Агишевич Ширинский, 3 апреля 1598 г. получил для них от Сигизмунда III подтверждения на Рычу и Положин [40, л. 229 об.–230 об.; 44, л. 314]¹³. Вскоре после этого вдова Чингиза, выйдя замуж вторым браком за князя Фурса Асановича Улана, отдала Рычу в заклад литовскому земскому подскарбию Деметрию Халецкому, а после его смерти 3 июля 1603 г. вместе с мужем продала имение за 2000 коп грошей жене вышгородского каштеляна Касперовой Клодзинской и ей внукам Халецким, детям покойного подскарбия. Как следует из земельной описи в имении этом было много земли, бояр и подданных [45, л. 190–191 об.; 54, л. 775–776]¹⁴.

У или VI поколение от Хаджи-Гирея

6/5. царевич Н. Чингизович Острынский

7/5. царевич Н. Чингизович Острынский

Вероятно, дети Чингиза умерли малолетними, и с ними род царевичей Острынских пресёкся.

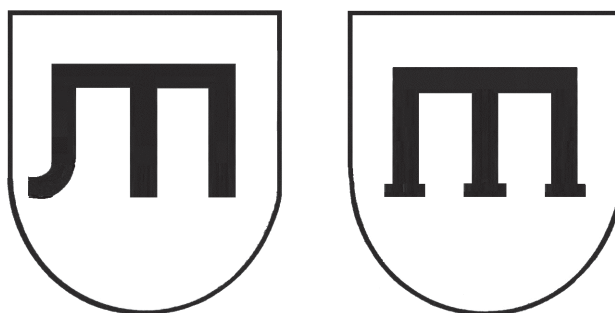
¹² В этом завещании жена Чингиза названа *Уланой*, в ревизии татарских имений упоминается как *Умна*.

¹³ «Потвержение татарке жене Чингиза Озибек Солтановича царевича Острынского Умне Акишовне и детям небошика Чингиза»

¹⁴ Острынские с этого имения прежде выставляли на службу 6 коней.

Сыновья Азубека не подчинялись татарским хорунжим, управлявшим татарскими стягами, то есть ополчениями, к которым были приписаны в принципе все служилые татары [66 и сохраняли привилегию являться на службу со своим отрядом прямо к гетману. В 1567 г., например, царевич Острынский (очевидно, Чингиз) отдельно выставил со своих владений 8 всадников [57, стб. 1378]¹⁵. Это право царевичей имело четкую аналогию в привилегиях литовских князей и панов, также первоначально не входивших в состав поветового посполитого рушения бояр-шляхты и являвшихся на службу с собственными отрядами.

Владения этой семьи принадлежали к числу наиболее крупных татарских имений, хотя, разумеется, далеко уступали магнатским латифундиям. Но их юридический статус не отличался от статуса остальных татарских имений ВКЛ. Даже после Брестского сейма 1566 г. и Люблинской унии 1569 г. их владельцы, в отличие от остальной шляхты, формально без разрешения короля не имели права отчуждать пожалованные земли (хотя фактически и пользовались им)¹⁶. То есть и по отношению к имениям татарских царевичей король сохранял право верховной собственности, что отличало их от шляхетских земских имений и сближало с ленными владениями.

Печати царевичей Острынских:

Азубека Довлеш-солтановича (1530 г.) и Джаная Азубековича (1572 г.)

3. «Царевичи Заволжские», они же царевичи Пунские

В конце 1504 г., после разгрома войск польского короля Менгли-Гиреем, в литовских владениях укрылся последний хан Большой Орды Шейх-Ахмед (Шах-Ахмат) [18, с. 240–241]. В Литве он фактически находился на положении почетного пленника, хотя титуловался «царем Заволжским» и сопровождал короля Александра и Сигизмунда I в некоторых торжественных случаях. Мацей Стрыйковский даже упоминает, что на Брестском сейме 1505 г. «король Александр и царь Заволжский возвели в рыцарское звание («*pasowali na rycerzy*») много поляков, литовцев и татар» («*wiele Polaków, Litwy i Tatarów*») [82, s. 576].

Среди татар, служивших великому князю, Шейх-Ахмед пользовался определенным авторитетом. Так именно к нему татарские князья обращались с просьбой подтвердить их место в старшинстве родов. И эти свидетельства признавал Сигизмунд I [24, л. 145 об.–147, 336–336 об.].

¹⁵ Как и царевич Пунский, который выставил тогда же трёх всадников, см. ниже.

¹⁶ См., например [1, с. 49–50].

Хан породнился с одним из родов служилой литовско-татарской знати – князьями Петровичами Найманами, женившись на дочери виленского татарского хорунжего князя Кадыша Петровича. Судьба этой «царицы Заволжской», как ее именуют документы, необычна. Весной 1527 г. по просьбе ногайских татар хан Шейх-Ахмед был отпущен в Орду (где через некоторое время был убит) [17, с. 170, 192, 213, 235; 18, с. 243–244; 19, л. 459–460, 1010–1014]. Но его жена осталась в Литве, и вскоре до хана дошёл слух, что «царица» вышла замуж. Шейх-Ахмед просил короля наказать её и прислать к нему оставленную в Литве дочь. В ответном послании Сигизмунд I уверял, что «царица твоя замуж не шла и тепер[ь] на мечьцы своем мешкает, а дочьку твою, кгда на то воля твоя есть, до тебе есьмо отпустили с послы твоими» [6; 19, л. 1014–1015, 1021]. Однако жена хана приняла католичество («после царя завольского з закону басурманского выступила и веру хрестьянскую принела») с именем *Дорота* (её мусульманское имя неизвестно) и обвенчалась с королевским придворным («дворенином господарским») Яном Габрияловичем. Вскоре она умерла. В сентябре 1532 г. её муж-вдовец судился с князьями Иваном, Андреем, Яхном и Магметом Кадышевичами, которые претендовали на опеку над племянниками [6; 27, л. 132–132 об.]¹⁷.

Сам Шейх-Ахмед не получил в Литве пожалований, он считался «гостем» короля. Но царевич из его рода поступил на королевскую службу и стал родоначальником *царевичей Пунских*.

Отметим, что почему-то сложилась традиция считать царевичей Пунских потомками крымских ханов, выехавшими в Литву еще в XV в. [86, s. 641; 73, s. 258; 67, s. 70–71 etc]. Как писал Ю. Вольф, «кажется («podobno») побеждённый хан крымских татар, получивший для проживания Пунский замок, именовался царевичем Пунским» [86, s. 641]. С. Дзядулевич считал предком царевичей Пунских старшего брата Менгли Гирея Нур-Даулета, который в 1480 г. был свергнут с крымского престола и бежал в Литву вместе с братом Айдаром [73, s. 258].

Но в купчих на земли в Троцком повете 1543–1545 гг. родоначальник этой семьи Енбек-солтан именуется царевичем Заволжским [73, k. 1770–1771, 1778–1779.], что прямо указывает на его происхождение из рода ханов Большой Орды, а другие документы раскрывают и имя его отца, с которого мы и начнём родословную роспись.

XVII поколение от Чингиз-хана¹⁸

1/X. царевич Халлек-солтан

?–между 1522 и 1530 г.

«Братанич» хана Шах-Ахмата (Шейх-Ахмеда). В числе прочих ханских родственников получал в Орде подарки от литовского посольства (подарки были приготовлены «брату царёву Кичмагметю, брату царёву Хожак солтану,

¹⁷ В 1548 г. Габриялович пытался отсудить у Кадышевичей для своих сыновей Данилы и Яхима имения Сельцо и Пилиповичи [6; 48, л. 64–64 об.].

¹⁸ Золотордынские родословия позволяют проследить происхождение Шах-Ахмата по прямой линии: Чингиз-хан – Джучи – Орда-Ичен-хан – Сартактай – Кончи-хан – Баян-хан – Сасы-Бука-хан – Эрзен-хан – Чимтай-хан – Урус-хан – Тимур-Мелек-хан – Тимур-Кутлук-хан (+ 1399) – Тимур-хан (правил в 1411–1412 гг.) – Кичи-Мухаммед-хан (правил в 1430–1459 гг.) – Ахмат-хан (убит в 1481) – Шах-Ахмат-хан и его братья [58, с. 41–63].

Игбактью, Халекъ солтану, Тохътамышу князю, Кутлухаджи князю, Буранъдуку влану, Япарбердею князю и некоторым другим, в том числе Буранчи солтану) [18а, 81–82]. Прибыл с ним в Литву около 1504–1505 г. [19, л. 17, 18]¹⁹ (см. выше).

При короле Александре они содержались, как почётные гости, но положение изменилось при новом короле Сигизмунде I, особенно после неудачной попытки хана бежать из ВКЛ. В 1507 г. Менгли-Гирей писал Сигизмунду I, обещая союз против Москвы, если тот прикажет «згубить» (убить) «неприятеля твоего Шигахмата, а братанича его Халек солтана, а слугу его Такътамышша, а Солтан Охмата»²⁰. В ответном послании 1508 г. король успокаивал крымского хана, «о Шигахмата царя и о братаничи его, как есмо многокротъ до тебе всказывали, твёрдо далеко запровадивши в Жомоитской земли их в нятстве посажали, так и на веке будет седети и николи с того нятства не выйдут» [19, л. 17, 18]. Как уточняет король в одном из следующих посланий, хан был отослан в Ковно (совр. Каунас), «а Халек сольтана з ыншими людьми его и з ногайцы по иньшим городом розослали»; их обвиняли (трудно сказать, насколько основательно) в поддержке князя Михаила Глинского, поднявшего бунт против короля, а потом бежавшего в Москву [19, л. 116, 132]. На протяжении многих лет условия содержания хана неоднократно менялись, его то приглашали ко двору, то вновь отправляли в заключение.

Уже в начале 1520-х гг. царевич Халлек временно владел некоторыми землями в Пунской волости. Как отмечено в «листе» от пунского державцы, епископа Луцкого Павла Александровича (составленном в Дорсунишках, 20 октября, индикта 8, т.е. 1521 г.) «поведил перед нами царевич его милость, што две земли пунские пустые», «а отъчичов тых земель нет, ино мы ему дозволили тых земель пахати до тых часов, поки отъчичи тых земель придут». Во втором листе, выданном также «царевичу его милости» без указания имени, в Пунях, 3 января, индикта 9 (также 1521 г.), отмечено, что он бил челом и просил прибавить ему к пустошам, которые уже даны ему «на поживенье», крестьянина Сташоса Волевича с землей, которые прежде служили Пунскому двору; это пожаловано было временно, «до воли» [50, л. 19–20].

После того, как хан, его дядя, в 1527 г. был отпущен в Ногайскую орду, царевич остался в Литве.

Весной 1528 г. крымский калга Ислам-Гирей, потерпев поражение в борьбе со своим дядей, ханом Саадет-Гиреем, бежал из Крыма в южные литовские владения и просил у Сигизмунда I защиты и помощи. Он писал королю: «и мне войско дайте, Халек Солтана, а Озубек Солтана, а Меликъбаши муръзы сына Мартузу Мурзу, ласку свою вчинивши, до мене бы прислал» [19, л. 1001]. Но никто из этих татар к нему тогда не присоединился.

Вероятно, Халлек был одним из двух татарских царевичей, присутствовавших 18 октября 1529 г. на церемонии провозглашения королевича Сигизмунда Августа великим князем литовским [17, с. 236].

¹⁹ Именно так, братаничем, т.е. сыном брата, он назван в послании короля хану Менгли-Гирея, с извещением, что король хана и его людей «по городом розно твердо посадил».

²⁰ Солтан-Ахмат (Солтан-Ахмет), карачай, был сыном Мусы, ногайского правителя, из рода Едигея, бия мангытов; хан с 1493 г. был женат на его сестре, дочери Мусы.

Держал «до воли и ласки господарской», т.е. во временном владении, пустые земли и тяглового человека (с братьею) в Пунской волости, которых после его смерти на тех же условиях 9 марта 1530 г. получил его сын, «царевич Завольский Яныбек Сольтан» (см ниже) [50, л. 19–20].

XVIII поколение от Чингиз-хана

2/1. царевич Джанибек (Джанбек, Янбек, Енбек)-солтан Халлек-солтанович Пунский,

? – между 1556 и 1568 г.

9 марта 1530 г. получил от пунского державцы Павла Александровича, епископа Луцкого и Берестейского, грамоту на некоторые земли в Пунской волости, которые до этого держал его отец. Как отмечено в грамоте, «поведил [...] царевич Завольский Яныбек Сольтан иж тыми часы и отец его Халлек Сольтан змер, и бил нам чолом [...] абыхмо ему дали тые земли пустовьские и того человека в Пунской волости, которые отец его держал, и мы то его нам чоломбитые вчнили, дали есмо ему до воли господарское земьли пусто-вьские в Пунской волости на имя Юшьковъщизну и Жодьбутишьку, а Монтвалишку, Петровъщину а Яшевщину Юдишьку со вьсим як ся тые земли сами в себе мають, и к тому человека тяглового на имя Таталера з братьею его и з их земьями». 24 июня 1536 г. король подтвердил за ним эти земли, но тоже «до воли и ласки» [50, л. 19–20]. От владений в Пунской волости и была вскоре образована фамилия этой семьи [27, л. 186]²¹.

В 1532 г. царевич «Джебек Солтан» получил из литовской казны (одновременно с царевичем Азюбек-солтаном Острынским) несколько коп грошей и постав «парпяньского» сукна²².

Около 1535 г. «царевич Деженибек Солтан» получил ещё 15 коп грошей и «два поставы колтрышского» сукна [46, л. 123 об.].

Царевичем Пунским он назван в документе 1542 г., в котором Сигизмунд I приказал литовскому подскарбию Горностаю ежегодно выдавать бежавшему из Москвы князю Шуйскому (Ивану Дмитриевичу Губке) – 80 коп грошей, а царевичу Пунскому вместо прежних 50–100 коп грошей [32, л. 27]. И князь, и царевич били челом о «хлебокормлении», т. е. имениях, но король предпочел «на тот час» ежегодно «давати им некоторую суму». В двух купчих 1543–1545 гг. Енбек-солтан назван царевичем Заволжским (царем Заволжским именовали в Литве и его двоюродного деда, Шейх Ахмеда), но его дети и внуки чаще титуловались царевичами Пунскими.

7 января 1543 г. (индикта 1) царевич Заволжский Ямбек-солтан приобрел в Троцком повете огород, а 4 июня 1545 г. – двор у князя Обдулы Абрагимовича (Юшенского); во втором документе упомянута его жена Хава и дети (не названные по имени) [76, к. 1770–1771, 1778–1779].

²¹ Вероятно, инициативу тут проявили не они сами, а литовская великокняжеская канцелярия, чтобы различать две семьи царевичей; впрочем, по тому же образцу, – не по уделу, а по месту расположения вотчин, – оформились и некоторые литовско-русские княжеские фамилии.

²² В форме Джебек / Енбек / Янбек / Ямбек / Амбек передано в источниках имя Джанибек / Янибек.

В конце 1540 – 1550-х гг. царевич «водил роты», командуя военными отрядами, очевидно, татарскими. О его военных заслугах упоминает королевский привилей 1558 г., цитируемый ниже.

30 мая 1558 г. король Сигизмунд Август, «маючы взгляд на службы его, которыми от немалого часу при дворе нашем и теж на Подоли и на иньших украинях з ротою своею и з людми пененжными будучы от нас отъправлен, добре и верне ласку нашу нам заслужовал и заслугуеть», наконец-то пожаловал «царевичу Пунскому Джаньбек Солтану» крупное имение Колдычево в Новгородском повете, оставшееся после умершего без потомства «заволжского» татарина Тохтамышша. Колдычево и стало на некоторое время основным владением этой семьи в Великом княжестве Литовском. Имение было пожаловано царевичу в наследственное владение, но только для потомков мужского пола («маеть царевич Пуньский и его жона и их властьные потомьки мужского рожая тот дворец з людми и землями и со всим по тому, яко тот татарин Тохтомиш держати и вживати, будучы волен там прибавити, розширити, людми осадити и пожиток себе яко сам налпей розумеючы»), с обязанностью обычной «земской» военной службы с этого имения. При этом отменялась ежегодная уплата ему из казны денежного пособия в размере 100 коп грошей [50, л. 19–19 об.]²³. 2 июня 1558 г. король пожаловал царевичу также привилей на право в этом имении «при гостинцу великом, который идет з Вильна до Пинска» на его земле, где он пожелает, построить корчму и в ней «шинк мети, пиво, горельки и иньшие речы стравные держать» [50, л. 20].

Джанибек-солтан был женат на княжне Хаве Олишковне, отцом которой был князь Олишко Казкевич, татарский хорунжий Мерешлянского (Кондрацкого) стяга [7; 19, л. 1014–1015, 1021; 19–19 об.]. Ей царевич записал, по обычаю, «вено», в обеспечение приданого «дворец свой купленный в повете Троцьком лежачый на реке Ваке с челедью невольною» [49, л. 341 об.]. Овдовев, она вышла замуж за князя Абаза Махметовича Сеита. У них известны три сына, *царевичи Ислам, Темир и Селим* и дочь *царевна Фатма*. От второго брака у неё родился (между 1530 и 1532 г.) сын князь *Шахдавет Абазович* [49, л. 342–344 об.] (см. ниже).

XIX поколение от Чингиз-хана

3/2. царевич Ислам-солтан Янбекович Пунский

+ ок. 1592

В 1560 г. царевич Пунский Ислам Солтан Ямибекович жаловался на свою мать Хаву Олихновну и её второго мужа князя Аббаса (Обаза) Махметьевича Сеита, ответчиков по делу о движимом имуществе его отца князя Янбека царевича, «которые они по смерти его побрали, и о именье его отчизное Пунское»; рассмотрение дела было назначено на 29 апреля, но ответчики не явились [49, л. 96 об.].

²³ В Литовской метрике сохранился также королевский лист новгородскому татарину Сеидеману Семьжайловичу (Сеит-Джаляловичу), с извещением, что бывшее в его держании после смерти татарина Тохтамышша имение Колдычево «король его милость царевичу Пунскому Джаньбек Солтану дати и дворенина своего на увезанье его послати рачил» [52, л. 205].

28 октября 1561 г. получил от короля привилей с подтверждением пожалований отцу на имение Колдычев и на корчму в этом имении (новый документ потребовался потому, что его мать, «царыца Пунская Хава Олехновна в себе держит сей привилей», не желая отдать его детям) [50, л. 19–20].

2 мая 1562 г. он «с братьею своею Селимом а Тимерклымем и з сестрою своею Пацею» заключил соглашение с отчимом Обазом Сеитем Махметьевичем и его сыном, их братом по матери Шахдавлетем Обазовичем. Они получили двор на Ваке с челядью невольной, который их отец царевич Янибек купил и затем записал как вено их уже покойной матери, а они отчиму уступили записанную матери денежную сумму и выделили четвёртую часть имения Шахдавлетю, своему единоутробному брату. Царевич Ислям скрепил этот документ, составленный в имении Вака, подписью «руки моей по-татарски» [49, л. 342–344 об.]²⁴.

13 июля 1563 г. царевичу Пунскому Исляму король разрешил «в ымену его Пуньском при дорозе с Пун до Довькгов [...], корчму волную збудовати и в ней шиньк мети» [35, л. 346–346 об.].

В 1567 г. царевич Пунский (очевидно, именно Ислам) выставил со своих владений в литовское войско трех коней [57, стб. 1378]. Сам Ислам-солтан находился на военной службе, командуя наемной татарской хоругвью в качестве королевского ротмистра.

При этом ему доверялось и командование объединёнными силами татарского ополчения. Например, как отмечено в книге «Публичных дел», «писаны листы до стягов татарских, абы [...] у Борисове становилися и под справою царевича Пунского а ротмистра господарского Сеит-Манцера» были [57, стб. 1378; 20, л. 47 об.]. За военные заслуги в Ливонской войне («за службы его, которые он при старосте жомоитском, яко при гетмане лифлянтском в земле лифлянтской противоко войском и людем непрятеля нашего короля шведского кгда потреба [...] нееднокроть заходила, ротмистром будучи, а здоровья и маетности своее не литуючи, стале и мужне доказовал, и досыть з себе яко доброму и рыццерскому чоловеку чынил») царевич Ислам получил от короля Сигизмунда Августа имение Подлипые в Пунской волости, что закрепил лист Миколая Радзивилла и Яна Ходкевича, выданный 12 августа 1572 г. Новый король Генрих Валуа привилеем 6 апреля 1574 г. подтвердил это пожалование своего предшественника самому Ислам-солтану и его сыновьям пожизненно – «до двух животов их». В указанном имении было 18 волок, в том числе 7 оседлых, с крестьянами, и 11 пустых. Имение было пожаловано с обязанностью военной службы только по постановлению сейма [36, л. 40–40 об.]. Он продолжая службу и при следующем короле, Стефане Батории, которым 24 ноября 1576 г. «царевичу Пунскому князю Исляму Ямбековичу» в той же волости в пожизненное владение было пожаловано сельцо Янушово, в котором было 15 населённых волок, ещё 2 морга были добавлены из-за плохого качества земли («для подлого грунту»). С этого имения царевич тоже должен был исполнять земскую военную службу [37, л. 98].

²⁴ Документ этот как свидетели подписали и приложили свои печати князь Алей Бахтиярович, князь Ахметь Айдаревич и князь Хурс Адамович. «Сознание» татарина Обазы Сеитя Махметовича по тому же делу внесено в книги Литовской метрики

Именем Колдычево находилось в период с 1571 по 1585 гг. в совместном пользовании с братьями царевичами Темиром и Селимом. После чего было продано литовскому канцлеру Остафию Воловичу [1, с. 42–43, 50–53].

Как и их отец, эти царевичи Пунские пользовались привилегией самостоятельно являться на военную службу, не подчиняясь татарским хорунжим. По этой причине их владения даже не были описаны в ревизии татарских имений 1558 – 1559 гг. [54, л. 776 и др.].

О смерти Ислам-солтана упоминает уже документ 1592 г. В нём сообщалось, что королевский слуга шляхтич Ян Вишневский, заявив, что царевич умер без потомства, попытался получить его имения, не только Торчицы, но и Колдычев, и Арабинский двор [38, л. 110–110 об.], а 23 июня 1593 г. пожизненно принадлежавшие ему сёла Адамовичи и Янушковичи (так!) в Пунской волости были пожалованы на тех же условиях шляхтичу Щенскому Ельскому [38, л. 244.].

4/2. царевич Темиркльый (Темир)-солтан Янбекович Пунский

Упоминается вместе с братьями в документе отчиму 1562 г. [49, л. 342–344 об.].

Владея вместе с братьями-царевичами именем Колдычево, в 1571–1585 гг. продал его литовскому канцлеру Остафию. Воловичу [1, с. 42–43, 50–53].

+ до 1591 г.

5/2. царевич Селим-солтан Янбекович Пунский

Упоминается вместе с братьями в документе отчиму 1562 г. [49, л. 342–344 об.].

Владея вместе с братьями царевичами Темиром и Селимом именем Колдычево, в 1571–1585 гг. продал его литовскому канцлеру Остафию. Воловичу [1, с. 42–43, 50–53].

+ до 1591 г.

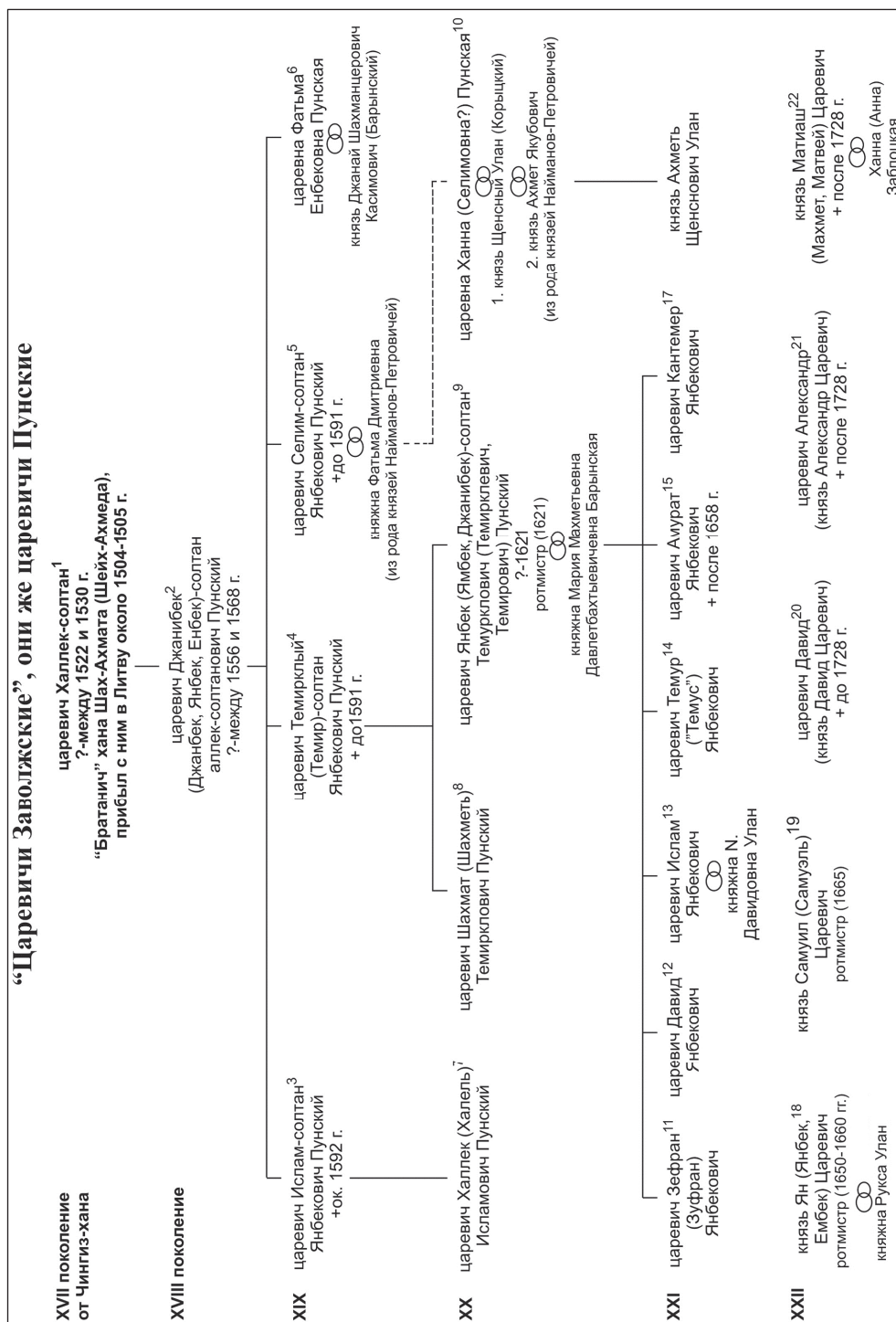
∞ княжна Фатъма Дмитриевна (дочь князя Дмитрия Кадышевича Петровича, их рода князей Найманов-Петровичей). Записал ей на имени Колдычево в обеспечение приданого «вено» в размере 300 коп литовских грошей, и на это выдал «лист запис [...] с печатью и подписом руки его писмом арабским и с печатми некоторых особ». Кроме того, царевич Халько Исламович часть того же имения, «от братьи отца своего рожное Селима а Темира Янбековичов царевичов Пунских на делу досталое ей Фатме [...] вечностью за тисечу коп грошей продал». В 1591–1592 гг. г. с ней судился за Колдычово королевский слуга шляхтич Ян Вишневский, который, обманом получив на это имение королевский привилей («якобы по смерти мужа её Селима и брата его Ислама а Темеря Ямбековичов царевичов Пунских безпотомньне зошлых»), пытался вступить во владение, чем вдова царевича, естественно, воспрепятствовала. В доказательство своих прав предъявила также привилей на это имение татарину Тохтамышу (13 августа 1528 г.), а после его смерти – царевичу Джаньбек-солтану (1556 г.) [52, л. 204 об.–205, 329–330].

6/2. царевна Фатъма Енбековна Пунская

Упоминается вместе с братьями в документе отчиму 1562 г. (*Паця, Патя*, обычная у литовских татар уменьшительная форма имени Фатъма/Фатима) [49, л. 342–344 об.].

∞ князь Джанай Шахманцерович Касимович (Барынский). Вместе с ним владела Пересекой под Новогрудком. «У Дчанахметя Шахманцеровича Каси-

мовича и у жены его Фатьмы Еньбековны царовны Пуньское» пан Миколай Глебович Есьман купил землю, «пляц з грунтом при месте нашем Новьгородском на Пересеце», и купчую эту, в числе прочих земельных сделок Есьмана с татарами, король Сигизмунд III подтвердил 10 марта 1598 г. [40, л. 197–198].

XX поколение от Чингиз-хана**7/3. царевич Халлек (Халель) Исламович Пунский**

Сын Ислама Халлек Исламович вместе с двоюродными братьями владел частью родовых земель в Пунской волости. До 1609 г. «царевич Пунский Халъка Исламович» продал свою часть Колдычев, полученную (по разделу) от братьев отца царевичей Пунских Селима и Темира Ямбековичей, жене первого из них, своего дяди Селима [52, л. 204 об.–205].

8/4. царевич Шахмат (Шахметь) Темирклович Пунский

Царевичи Пунские Шахметь и Янбек Темуркловичи до 1600 г. продали часть своих земель князю Ассану Алеевичу (Бахтияровичу Сеиту) [78, л. 924об.–929]. Первый из них после этого не упоминается

9/4. царевич Янбек (Ямбек, Джанибек)-солтан Темурклович (Темирклевич, Темирович) Пунский,

?–1621.

Вместе с братом Шахметем Темуркловичем в 1600 г. продал часть своих земель князю Ассану Алеевичу [78, л. 924 об.–929].

Вскоре после этого «князь Янбек Царевич» отличился в экспедиции против шведов в Инфлянтах (Ливонии) и «за послуги его рыцерские» 27 апреля 1606 г. вместе с женой Марьей Девлетбахтыевной получил от короля Сигизмунда III привилей на землю Крыйковщизна (3 волоки земли) «при местечку и державе нашой Радунской лежащие» Лидский повет), пожалованные им в пожизненное владение [42, л. 590].

Участвовал в войне Сигизмунда III против России и осаде Смоленска, командуя в литовском войске наёмной татарской хоругвью. Находясь в королевском лагере под Смоленском, 3 марта 1610 г. Янбек-солтан («Янбек Солтан») получил привилей на земли в Пунской волости, незаконно (без королевского разрешения) отданные в залог или проданные его дядьями Исламом и Селимом и двоюродным братом Халлеком Исламовичем («дал справу [...] иж деи стрыеве его Ислам и Селим, сын Исламов а брате его стрыечный Халлек Исламович держечы от часу немалого добра [...] названные Пунское, на службе татарской, а не маючи од предков наших [...] вольности шафунку на тые грунты [...] без позволения нашего разными способы заставою позавадили и попродавали»); но земли эти ему предстояло отобрать у новых владельцев через суд [43, л. 169 об.–170].

В июле 1611 г. «царевич татарин» получил королевский лист на должность ротмистра; он должен был сформировать казацкую хоругвь численностью в 100 человек (с жалованием по 20 злотых) [43, л. 313]²⁵.

24 июля 1615 г. царевич Янбек Темурклевич продал татарину Шагуню Янушевичу свой фольварк Царевщизну в Рейжах [79, л. 739–739 об.].

Продолжая военную службу, вместе со своим отрядом ротмистр участвовал в войне с турками и погиб под Хотинном, где в сентябре-октябре 1621 г. небольшое литовское войско под командованием гетмана Яна Ходкевича вместе с украинскими казаками Петра Сагайдачного нанесло поражение 150-тысячной армии султана Османа II [54, л. 859–859 об.].

²⁵ «Carewiczowi Tatarzynowi na 100 koni kozaków, którym żołdu naznaczono po złotych 20».

Был женат на княжне Марии Махметьевне Давлетбахтыевичевне из рода князей Барыньских, дочери татарского хорунжего князя Махмета Давлет-Быхтыевича Касимовича. Ей самой принадлежала часть имения Рудники в Новогрудском воеводстве, которую впоследствии наследовали их потомки.

7 августа 1620 г. в Новогрудском городском суде был записан документ, оформленный 3 августа того же года, на земли в Рудниках, между Николаем Девлет-Бахтыевичем Мурзой Барыньскими его сыновьями Сетманцером и Касымом Николаевичами и мужем Марии Махметьевны Мурзянки Янбеком Темуровичем Царевичем [13, л. 203].

Та же «татарка господарская земли Новогрудской кнегиня Янбековая Царевичовая Мария Махметьевна Мурзянка и сын её князь Зефран Царевич» 6 июля 1631 г. отдали в залог часть её «отчистых» земель в Рудниках и Лагойках (земли Милькомановскую и Богдановичовскую и др.) за 50 коп литовских грошей шляхтичу Ивану Петровичу Гусоковскому и его жене [13, л. 189–191, 203–204, 211–214]²⁶.

В ревизии татарских имений 1631 г. в числе владельцев имения Рудники в Новогрудском воеводстве (в Барыньском хорунжестве) упомянута «царевичева Пунская» Марина (так!) Махметьевна, муж которой «был ротмистром, в Валахии убит». Там же названы их сыновья: *Зуфран, Давыд, Ислям, Темир, Амурат, Халилек и Кантимер (Кантемир) Царевичи* [54, л. 859–859 об.]²⁷.

Кстати, опираясь на эту запись, С. Дзядулевич ошибочно считал, что царевича, погибшего под Хотимом в 1621 г., звали Махметом [73, л. 258–259]²⁸.

Любопытно, что у них титул «царевич», как и татарский титул «солтан» у их предков, стоит после имени, видимо, имея тенденцию превратиться в фамилию. Все они жили в Рудниках и время от времени упоминаются в документах и во второй половине XVII в. (см. ниже).

10/5(?) . царевна Ханна [Селимовна?] Пунская

В 1631 г. упоминается в ревизии татарских имений, вместе с сыном от первого брака (см. ниже) владела частью имения Корица в Новогрудском воеводстве (в Уланском хорунжестве) [54, л. 188]. С. Дзядулевич называет её дочерью царевича Селима [73, л. 259].

∞ 1. князь Щенский Улан (Корыцкий). От этого брака сын князь Ахмет Щенсович Улан.

∞ 2. князь Ахмет Якубович (из рода князей Найманов-Петровичей). + до 1631 г. [54, л. 188].

²⁶ В 1636 г. аналогичные земельные сделки на земли в том же имении заключали её родственники, мурзы Барыньские. Эти и другие документы, относящиеся к Рудникам, и оформленные позже их наследниками, были внесены в книгу Новогрудского городского суда новыми владельцами имения в 1787 г.

²⁷ Здесь названа не Марией, а Мариной, «z Zufanem, Dawydem, Islamem, Temusem, Amuratem, Chalilekiem, Kantymierem Carewiczami».

²⁸ Неверно определил Дзядулевич и происхождение Марии-Марины; кроме того, не имея сведений о потомстве царевичей, упоминаемых в 1631 г., он предположил, что Пунские в первой половине XVII в. якобы эмигрировали в Турцию, что не соответствует действительности [73, s. 260].

XXI поколение от Чингиз-хана**11/9. царевич Зефран (Зуфран) Янбекович**

Упоминается в ревизии татарских имений 1631 г. Вместе с матерью-вдовой (см. выше) и братьями владел имением Рудники в Новогрудском воеводстве [54, л. 859].

«Князь Зефран Царевич», «Зефран Ямбекович», единственный из братьев (очевидно, как старший, уже совершеннолетний) 6 июля 1631 г. был участником закладной сделки от их матери на часть её «отчистых» земель в Рудниках и Лагойках за 50 коп литовских грошей Ивану Петровичу Русоковскому (Гусоковскому) и его жен. Причём собственноручно подписал по-польски этот документ (8 июля того же года внесённый в книгу Новогрудского градского суда) [13, л. 211–214]²⁹.

12/9. царевич Давид Янбекович

Упоминается в ревизии татарских имений 1631 г., вместе с матерью-вдовой (см. выше) и братьями владел имением Рудники в Новогрудском воеводстве воеводстве [54, л. 859].

13/9. царевич Ислам (Ислям) Янбекович

Упоминается в ревизии татарских имений 1631 г., вместе с матерью-вдовой (см. выше) и братьями владел имением Рудники в Новогрудском воеводстве воеводстве [54, л. 859].

С Ислямом царевичем, зятем Зели Ахметьевны Заблоцкой, по мужу Давидовой Улановой, вела дело об уводе крепостного крестьянина в имении Заблоть соседняя помещица-католичка, пани Есьманова, и 7.07.1666 г. Новогрудский градский суд решил дело в её пользу [14, л. 671–672 об.].

∞ княжна Н. Давидовна Улан.

14/9. царевич Темур («Темус») Янбекович

Упоминается в ревизии татарских имений 1631 г., вместе с матерью-вдовой (см. выше) и братьями владел имением Рудники в Новогрудском воеводстве [54, л. 859].

∞ NN. По конституции 1673 г. в Рудниках платит за 1 дым “kniahinia Temrukowa Carewiczowa” [16, л. 271]. Очевидно, она же упоминается в предыдущем реестре, 1667 г., вместе с племянником её мужа Янбеком Царевичем (см. ниже), который платил налог не только за себя, жену и дочь, но и „od stryjenki wdowy”, т.е. от вдовы «стрыя», дяди по отцу [16, л. 400 об.], и в реестре 1684 г., когда он же платил за один дым от имени “kniahini Temurowej Carewiczowej” [16, л. 271].

15/9. царевич Амурат Янбекович

+ после 1658.

Упоминается в ревизии татарских имений 1631 г., вместе с матерью-вдовой (см. выше) и братьями владел имением Рудники в Новогрудском воеводстве [54, л. 859].

Свидетель завещания княгини Фатьмы Ловчицкой, составленного в Ловчицах 9.05.1658 г. (явлено и записано в книге Новогрудского градского суда), подписал его по-польски (Amurat Carewicz) [15, л. 514 об.].

²⁹ «Zefran Carewicz ręką swą», «Зефран Царевич своей рукой». На оригинальном документе, как видно из копии, была «печать притиснена» но, к сожалению, неизвестно, каким гербовым знаком пользовалась в ВКЛ эта семья.

16/9. царевич Халилек Янбекович

Упомянут в ревизии татарских имений 1631 г., вместе с матерью-вдовой (см. выше) и братьями владел имением Рудники в Новогрудском воеводстве [54, л. 859].

17/9. царевич Кантемер Янбекович

Упомянут в ревизии татарских имений 1631 г., вместе с матерью-вдовой (см. выше) и братьями владел имением Рудники в Новогрудском воеводстве [54, л. 859].

XXII поколение от Чингиз-хана**18/?. князь Ян (он же Янбек, Ембек) Царевич**

Ян Царевич (Jan Carewicz) упоминается в числе товарищей в татарской хоругви коронных войск ротмистра Яхьи Селецкого (JMP Jachi Sieleckiego rotmistrza ЖКМ) об уплате жалования за период с 1 июля по 31 сентября 1653 г. Выставлял 3 всадников (и, соответственно, получал жалование в тройном и двойном размере; сам ротмистр выставлял 12 коней) [59, к. 94–97]. Он же (хотя и без имени) в той же хоругви упоминается в 1654 г. [60, к. 101, 198], 1655 г. (как «Czarewicz») [61, к. 176; 62, к. 24–25], в 1656 г. [62а, к. 114–115], в 1657 г. [63, к. 160], в 1658 г. [63а, к. 18–19,], в 1659 г. [63б, к. 145, 146, 147] также на 3 конях. Одно время, в 1657 г., вместе с ним в той же хоругви служил, на двух конях, также «Царевич младший» (Carewicz młodszy), вероятно, брат [63, к. 160, 161],

В середине XVII в. Ямбек Царевич был ротмистром татарской хоругви коронных войск. Его хоругвь участвовала в Русско-польской войне 1654–1667 гг. и отличилась в 1660 г. в битве под Чудновом. В 1661 г. его хоругвь, в отличие от большей части коронных войск, не присоединилась к военной конфедерации, созданной, чтобы добиться от правительства уплаты долгов по жалованию. Сохранился реестр хоругви «пана Ямбека Царевича, ротмистра Его Королевского Величества» (Pana Jambecha Carewicza rotmistrza ЖКМ) за май-июль 1665 г. (его отряд тогда насчитывал 86 коней, сам ротмистр их выставлял 12) [65, к. 114–114v]

В реестрах уплаты подымного с Новогрудского воеводства 1667 г. упоминается “kniaź Jan Carewicz z Rudnik od samego i małżonki, od córki i stryjenki wdowy”, т.е. платил за себя, жену, свою дочь и вдову дяди – брата отца [16, л.400 об.].

При уплате налогов по конституции 1673 г. там же в Рудниках упоминается как “kniaź Jambek Carewicz”, платит за 4 дыма, с ним и “kniahinia Temrukowa Carewiczowa” (очевидно, та самая вдова дяди), платит за один дым [16, л.271].

В 1684 г. там же записан как “kniaź Jembek Carewicz”, платил за 4 дыма с Рудник, и он же платил с Рудник за 1 дым от “kniahini Temurowej Carewiczowej” [16, л.271].

В 1685 (?) г. там же упоминается как “kniaź Jambek Carewicz”, платил с Рудник от себя и супруги а также за челядь и за подданных за 12 человек” [16, л.55 об.].

Некий Ян Царевич подписал в 1700 г. акт Олькеницкой конфедерации (объединения литовской шляхты против магнатской семьи Сапег) вместе с Витебским воеводством [84, s. 127]. С. Дзядулевич сомневался, что он при-

надлежал к данному роду [73, s. 259], но исключить это нельзя (другие носители такой фамилии среди шляхты ВКЛ неизвестны)³⁰.

∞ Рукса Улан, в 1690 г. платила подымное с имений Рудники и Темуровщизна в Новогрудском повете [77, л. 9, 22 об., 36]. В публикации этого реестра по другой рукописи вместо Руксы упоминается княгиня Ева Улановна Янова Царевичева, которая платила за 1 с имения Рудники, а за 1 дым с Тимуровщизны, унаследованной от дяди по отцу («стрыя»); присяга исполнена 24 июля [81, s. 105]³¹. Видимо, имеется в виду наследство, полученное её мужем после его дяди царевича Темира и его вдовы (см. выше), что подтверждает и принадлежность Яна к этому поколению рода.

19/? князь Самуил (Самуэль) Царевич

В 1685 г. княгиня Самуэлева Царевичева (kniahinia Samuelowa Carewiczowa) платила с Заблотья подымное только за себя [16, л. 56.].

20/? царевич Давид (князь Давид Царевич)

+ до 1728.

Как видно из купчей на имение Рудники 1728 г., оно от Марии Махметовой Мурзянки по праву кровного родства перешло на внуков Давида, Александра и Мацея Царевичей («z głowy Maryi Machmetowej Murzianki Ja[m]bekowej Carewiczowej ściekiem krwi naturalnej na wnuków Dawida, Aleksandra i Macieja Carewiczow spłynął» [13, л. 200–202]. Он умер до 1728 г., когда его братья Александр и Мацей заключили сделку от своего имени и от имени детей («потомства») Давида.

∞ NN. (у них дети).

21/? царевич Александр (князь Александр Царевич)

+ после 1728.

Александр и Мацей Царевичи за себя и за «потомков» Давида Царевича 20.03.1728 г. продали Рудники Юзефу Улану Малюшицкому. «z głowy Maryi Machmetowej Murzianki Ja(m)bekowej Carewiczowej ściekiem krwi naturalnej na wnuka [tak!] Dawida, Aleksandra i Macieja Carewiczow spłynol od nich jako od Aleksandra i Macieja [...] za potomków Dawida Carewicza piszących się Józefowi Ułanowi Maluszyckiemu prawem 1728 marca 20 dat[owanym], przyznanym w grodzie krzemienieckim eodem a od J. Jesmana 1730 julii 20 dat[owanym], a przyznanym 1731 maja 26 w ziemstwie nowogrodzkim» [13, л. 200–202].

22/? князь Матиаш (Махмет, Матвей) Царевич

+ после 1728.

Был неграмотен, по этой причине за него 13.04.1726 г. документ подписал за него хорунжий Мустафа Ахматович («ustnie proszony od pana Macieja Carewicza jako pisma nie umiejącego»)[13, л. 200–202].

∞ княжна Ханна (Анна) Заблоцкая, из рода князей Ялоиров. 24 июля 1690 г. княгиня Анна Заблоцкая Матвеева Царевичева платила подымное с

³⁰ Появление его среди прочей шляхты могло свидетельствовать о том, что он к тому времени принял крещение, т.к. татары-мусульмане обычно ещё не принимали участия в таких политических акциях, доступных только шляхте христианского вероисповедания.

³¹ В этом издании в основном тексте выбрана форма «Тимохъовщизна», «Темуровщизна» упоминается только в примечании. Возможно, это не ошибка, а косвенное указание на то, что царевич Темир использовал и имя Тимох, Тимофей. В варианте реестра, где она названа княгиней Евой Улановной Яновой Царевичевой, она должна доплатить за 2 дыма с Рудник и Темуровщизны [77, к. 22v].

имения Заблоть в Новогрудском повете, должна была доплатить за 1 дым [77, к. 9, 22 об., 36; 81. s. 105].

XXIII поколение от Чингиз-хана

23/18. NN дочь Яна (Янбека, Ембека) Царевича

24/20. царевич (князь) N. сын Давида Царевич

25/20. царевич (князь) N. сын Давида Царевич

Как мы видели, последние поколения этой семьи не употребляли фамилию Пунских и титуловались князьями, а титул царевича, похоже, стал у них превращаться в фамилию (подобно титулу улана, ставшему в Литве фамилией двух ветвей младших Чингизидов), тем более, что его ордынский эквивалент, титул солтана, употреблялся также после имени.

Существует ещё несколько упоминаний о царевичах, чьи имена неизвестны, и поэтому сведения о них не могут быть включены в общую родословную, хотя, по всей вероятности, речь идёт о лицах, уже внесённых в эту роспись.

Два царевича упоминаются в 1654-е гг. в хоругви коронного войска под командованием Мустафы Тальковского, просто *пан Царевич* [д70, к. 115–117]. (позже иногда «Чаревич», «P. Szarewicz»), выставивший 3 коней, и *пан Царевич младший* (P. Szarewicz młodszy), который выставил 2 коней [61a, к. 101, 102, 103]. Но в реестрах той же хоругви 1655–1656 г. оставался только один царевич, также сам-треть [62a, к. 146, 147–148, 157, 158, 159; 63, к. 157, 158, 159]. В апреле 1657 г. рядом с ним снова появляется младший царевич, уже сам-треть [63, к. 160, 161], но в 1658–1659 гг. остается только один, на 3 конях [63, к. 163, 161, 64, к. 115, 116]; а с 1660 г. в этой хоругви царевичи уже не упоминаются.

Ещё один царевич (*Carewicz*) служил в 1654 г. на 4 конях в татарской козацкой хоругви Адама Тарасовского [61a, к. 59060].

Ещё один представитель этого рода был вторым мужем вдовы татарина Богдана Янушевского, Фатьмы Базаревской. Эта «*Фатьма Царевичева*» («*Fatma Carewiczowa*») которая продала часть 16 волок в имениях Бялогорцы, они же Нетупы в Гродненской экономии Яну Барановскому, на что последний 20.10.1730 г. получил королевское подтверждение. Имение это было приобретено ею и первым мужем у Самуила Мурзы Кржеховского около 1726 г. [45a, к. 198], т.е. женой царевича овдовевшая Фатьма стала между 1726 и 1730 гг. Это последнее известное нам упоминание о татарских царевичах в Литве.

Татары Пунские

Фамилию Пунских, кроме вышеупомянутых царевичей, носила и довольно рядовая, даже не титулованная, семья служилых литовских татар. Автор «Гербовника татарских семей в Польше» С. Дзядулевич причислил и их к роду царевичей [73, к. 258–260], но для этого нет ни малейших оснований. Происхождение их хорошо прослеживается по документам, а фамилию они приняли по землям в той же Пунской волости, причём довольно поздно, в то время, когда заволжские царевичи уже отказались от такого наименования.

Их предок, толмач и писарь татарский Адам Давидович в феврале 1528 г. получил от короля Сигизмунда I подтверждение на пустоши в Пунской волости, Ратовщизну и Мокотовщизну. Первая из них была пожалована ещё королём Александром, т.е. до 1506 г., толмачу татарскому Янушу, на вдове которого Адам Давидович женился, с королевского разрешения получив имение её мужа, а Моковщизну он получил от самого Сигизмунда I [25, л. 65 об.].

Эти же имения принадлежали ему в середине XVI в. и перечислены в ревизии татарских имений 1559 г. в Юшинском (Трокском) хорунжестве. Согласно информации, воспроизведённой в следующей ревизии (1631 г.) Адам Давидович Пунский, который по жене, вдове «Янушовой Кодзиоховича», владел пустошами Дудзишки и Аратовщизна и тремя службами тяглых людей, «выслуги на короле Александре». Тот же Адам Давидович Пунский, от короля Сигизмунда I «особую выслугу имел», пустошь Вышкишки в Пунской волости, а также пустошь Мокотовщизну.

В 1631 г. первым из его имений владели Давид, Исмаил и Абрагим Пунские (внуки или правнуки, но это не уточняется), кроме того, там же половиною волоки в приданое за их сестрой (не названной по имени) получил татарин Богдан Андржеевич. Вышкишками владел в 1631 г. татарин Шагун Янушевич вместе с Янусом Захарьяшевичем Ловчицким, которому эта земля досталась по жене, а Моковщизна перешла к тому времени к христианской шляхте [54, л. 231–233 об.].

Никто из известных представителей этой семьи не титуловался царевичем, и отсутствие титула в привилее Сигизмунда I 1528 г. окончательно убеждает, что эти Пунские не имели никакого отношения к своим соседям по Пунской волости, одноименными царевичами.

Уланы-Асанчуковичи и Уланы-Коджелевичи

В заключение необходимо хотя бы упомянуть ещё две ветви Джучидов, известные в ВКЛ с XV в., в течении несколько веков занимавшие среди литовских татар очень видное положение и носившие титул уланов. Этот титул обычно сочетался с принятым в Литве и для татарской знати княжеским титулом, и ставился после имени (хотя в источниках и встречается сочетание «князи уланы» [1, с. 121], поэтому и стал со временем их фамилией [70: 71; 72; 73]. Многочисленные сведения об уланах («Уланах-Осанчуковчях») приводит Ю.Вольф, отмечая, что эти татарские князья занимали в старшинстве татарских родов в Литве первое место, стояли во главе собственного стяга [85, s. 644–646]³². Более подробную родословную этих уланов попытался представить С. Дзядулевич, называя их Ассанчуковичами [73, s. 26–32] и рассматривая происходящие от них семьи Уланов и Уланов-Малюшицких, Уланов-Засульских и Уланов-Полянских, возводит их всех к общему предку – Асанчуку-улану, известному только по патрониму и «дедичеству» своих потомков [73, s. 206–209, 348–352]³³.

³² «W chanstwie Krymskiem ulani szli po kniaziazach i murzach. Osanczukowicze jednak będąc nie tylko ulanami, ale i kniaziazami, w starszeństwie rodów tatarskich na Liywie zajmowali miejsce przed innymi kniaziazami» [69, s. 89, 102, 277, 279, 319 etc].

³³ При этом происхождение из этого рода он приписывает, часто неосновательно, и некоторым другим татарским родам в ВКЛ [73, s. 102, 108, 279, 315, 319, 361 etc.].

В действительности в ВКЛ существовало по крайней мере два рода уланов, разного происхождения. Асанчуковичи (Осанчуковичи), более влиятельные и многочисленные, действительно происходили от князя Асанчука (Санчука)-улана, который впервые упоминаемого в грамотах литовского великого князя Казимира 19 июля и 28 августа 1440 г. (писанных в Троках и в Новогрудке). Этот князь Асанчук-улан при предшественниках Казимира (Сигизмунде Кейстутовиче, Свидригайло или Витовте) получил данников в Засулье, в Минской земле, прежде принадлежавших боярам Харитоновичам. Бояре добились от нового государя возвращения засульских людей, считавшихся их «отчиной». Но, как видно из последующих документов, татарский князь сохранил другую часть Засулья вместе с «подданными» [52, л.127–127 об.]. Позже, уже после вступления Казимира на польский престол, «татарын наш князь Санчук Уланович» сообщил королю, что «люди его засульские непохожие [т.е. зависимые крестьяне] розышлись от него прочь», и 2 июля, индикта 5 (вероятнее всего, это 1457 г., но, возможна и датировка 1472 г.) получил в Кракове королевский лист с распоряжением всем местным властям возвращать его людей, со всем имуществом, у кого бы они не поселились [3а; 37а, л.162 об.–163; 70, s. 157].

Имение Засулье (в Минском воеводстве) принадлежало потомкам Асанчука до конца XVI в. (когда его частично выменял, частично купил князь Ярош Жиземский), причем, как можно судить по ревизиям татарских имений, было довольно крупным, включая не только пахотные земли, но и Засульскую пуцу, а владельцы-татары выставляли с него 10 коней [3а; 11а; 54, л. 191–191 об.].

Известны три сына Асанчука, князя Аликеч, Войшутко и Майко (см.) Асанчуковичи (Осанчуковичи) Уланы; у их многочисленных потомков этот золотоордынский титул превратился в фамилию. Представители данной семьи занимали должности хорунжих и маршалков Уланского хорунжества, стяга татар Гродненского и Ошмянского поветов (первоначально известного как стяг Уланов Асанчуковичей). Им принадлежали и другие имения, в частности, Малюшицы и Корицы в Новогрудском повете, Лостая и Довбучишки в Ошмянском повете и др. При этом их близкие родичи владели улусом в Крымском ханстве. Около 1510 г. крымский хан Менгли-Гирей писал королю Сигизмунду I и просил его прислать к нему на службу Нурума Майковича Осанчуковича (внука Санчука-улана), одного из «братьев» умершего в Крыму бездетным Тувитель-Улана, который до этого ездил в Литву в качестве крымского посла: «а детей и племени его никого не остало[сь], ино его слуги и люди никто не держит, ино там у вас его братья есть Осянчукович Ахмат Улан, а Нурум Улан с ним одного роду» (но, по тем или иным причинам, Нурум остался в Литве) [7а; 19, л. 269 – 270; 70. s. 157].

Но существовала в ВКЛ и другая семья, носившая титул улана потомки Кодзель (Адзен)-улана³⁴ жившего примерно в одно время с Асанчуком или чуть позже. Степень их родства неизвестна. Их родовое гнездо находилось в селе Улановичах (впоследствии Минское воеводство). Как и у Асанчуковичей,

³⁴ Имя его известно в нескольких вариантах; в достаточно документированной родословной, представленной потомками в 1643 г., он назван Адзен-уланом, но в 1521 г. его сын князь Ивашко именовался Коджелевичем [7а]; Дзядуевич пытался включить его в родословную Асанчуковичей [73, s. 26, 29].

у них титул улана превратился в фамилию, но истинное его значение и те и другие хорошо помнили. В 1643 г. потомки Адзен-улана доказали в Главном Литовском трибунале своё право на титул уланов, оспариваемый потомком Асанчука-улана [6а; 70, s. 158]. Многовековая история этих младших Чингизидов достаточно интересна и заслуживает отдельного рассмотрения. Упомяну только, что именно по фамилии-титулу одного из потомков этой семьи, полковника Александра Улана, командовавшего кавалерийским полком в начале XVIII в., получили название образованные чуть позже во многих европейских армиях лёгкие кавалерийские части, уланские полки. [8, с. 366].

Сохраняя в ВКЛ некоторые привилегии и почетный титул, царевичи и их потомки и в XVI–XVII вв. занимали положение служилых землевладельцев, принадлежали к числу сначала средних, а затем и мелких феодалов. При этом, как и у других служилых татар, их право распоряжаться пожалованной землей было формально ограничено необходимостью утверждения королем всех земельных сделок. Невольно напрашивается сравнение с Русским государством, где некоторые потомки ханов (царевичи Касимовские и Сибирские) не только играли вплоть до XVII в. видную роль при царском дворе, но и получили огромные пожалования, и где до 1681 г. существовало удельное татарское княжество – Касимовское ханство. Видимо, дело в том, что литовское правительство после падения Большой Орды уже не рассматривало татарских царевичей в качестве возможных претендентов на ханский престол, а сами они уже не имели в Орде сторонников и не могли быть использованы в качестве самостоятельной политической силы. Поэтому их собственное положение в ВКЛ определялось в основном размерами полученных от великого князя имений, – более крупных, чем у большинства других татар, но далеко уступавших владениям литовской аристократии. Если Шейх-Ахмед и Азюбек-солтан еще могли украсить королевскую свиту, быть может, символизируя иллюзорный «сюзеренитет» Литвы над татарскими ордами, то их ближайшие потомки затерялись среди литовских служилых татар и утратили даже остатки своих привилегий. В антитатарском пасквиле 1616 г. его анонимный автор (выступавший под псевдонимом Петра Чижевского) весьма пренебрежительно отзывается о титулах литовских татар, в том числе и царевичей:

«А хоть бы и назывались царьками [царевичами – *С.Д.*], уланами, мурзами, таких царьков может быть много, так как у них царь имеет жён четыре, а наложниц может иметь несколько десятков, с которыми если наплодит татарчат, те царьками [царевичами – *С.Д.*] у нас называются, а мурза не более значит, чем у пехоты десятник» [69, s. 10]³⁵.

В отличие от России, среди аристократии ВКЛ Чингизидам не нашлось места, и в конечном итоге это было результатом существенных различий во внешней и внутренней политике данных государств, их роли в процессе формирования политической структуры Восточной Европы.

Фактически единственной семьей из потомства ордынских правителей, некоторое время игравшей действительно очень видную роль в ВКЛ и неко-

³⁵ «А jeśliby się tam nazywali carzykami, ulanami, murzami, o takie carzyki nie trudno, bo jeden u nich car ma żon 4, a nierządnic może mieć kilkadziesiąt, z którymi spłodziłby tatarczęta, ci się carzykami u nas nazywają, a murza tak wiele waży jak między piechotą dzisiejszą» [69, s. 10].

торое время сохранявшей магнатский статус были князья Глинские, крещёные потомки Мамаю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 31. Акты о литовских татарах. Вильна, 1903. XL+586 с.
2. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1. 558 с.
3. *Греков И.Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М.: Изд-во Восточной литературы, 1963. 375 с.
- 3а. *Думин С.В.* Асанчук (Санчук, Осанчук)-улан, князь // Думин С., Ситдыков Г., Якубаускас А. Литовские татары в истории и культуре. Каунас: Союз общин татар Литвы, 2012. С. 239–240.
4. *Думин С.* Астрынскія // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. I. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1993. С. 226.
5. *Думин С.В., Канапацкі І.Б.* Беларускія татары: мінулае і сучаснасць [Белорусские татары: прошлое и настоящее]. Мінск: Польша, 1993. 208 с.
6. *Думин С.* Дорота Кадышевна Петровичевна // Думин С., Ситдыков Г., Якубаускас А. Литовские татары в истории и культуре. Каунас: Союз общин татар Литвы, 2012. С. 272.
- 6а. *Думин С.В.* Коджель (Адзен, Кодзен)-улан, князь // Думин С., Ситдыков Г., Якубаускас А. Литовские татары в истории и культуре. Каунас: Союз общин татар Литвы, 2012. С. 281.
7. *Думин С.* Олишко Казкевич (Каскович) // Думин С., Ситдыков Г., Якубаускас А. Литовские татары в истории и культуре. Каунас: Союз общин татар Литвы, 2012. С. 320.
- 7а. *Думин С.В.* Улан Осанчукович Нурум Майкович, князь // Думин С., Ситдыков Г., Якубаускас А. Литовские татары в истории и культуре. Каунас: Союз общин татар Литвы, 2012. С. 373–374.
8. *Думин С., Садыков Г., Якубаускас А.* Lietuvos totoriai istorijoje ir kulturoje / Литовские татары в истории и культуре. Изд. 2-е, испр., доп. Каунас: Союз общин татар Литвы, 2012. 432 с. (издание двуязычное, тексты параллельно на литовском и на русском яз.).
9. *Думин С.В.* Литовская ветвь князей Ширинских // *Дворянские роды Российской империи*. Т. 3. Князья. М.: Ликоминвест, 1996. С. 199–200.
10. *Думин С.В.* Острынский Джанай (Дчанай) Азюбек-Солтанович // Думин С., Ситдыков Г., Якубаускас А. Литовские татары в истории и культуре. Каунас: Союз общин татар Литвы, 2012. С. 322.
11. *Думин С.В.* Татарская родовая геральдика в Великом княжестве Литовском // Lietuvos Didziosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir rastijs tradicijos. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2009. P. 311–332.
- 11а. *Думин С.В.* Татарские князья в Великом княжестве Литовском // Acta Baltico-Slavica. Т. XX. 1989. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1991. S. 7–49.
12. *Думин С.В.* Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском (XV–XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. М.: Наука, 1989. С. 107–113.
13. Национальный исторический архив Беларуси (далее: НИАБ). Ф. 616 (Новогрудский гродский суд). Оп. 1. Д. 85.
14. НИАБ. Ф. 1730 (Новогрудский гродский суд). Оп. 1. Д. 3.
15. НИАБ. Ф. 1730 (Новогрудский гродский суд). Оп. 1. Д. 93.
16. НИАБ. Ф. 1774 (Новогрудский земский суд). Оп. 1. Д. 139.

17. Полное собрание русских летописей, издаваемое Археографическою Комиссиею. Т. 35. Летописи белорусско-литовские / Сост. и автор предисл. Н.Н. Улащик. М., Наука. 1980. 306 с.

18. *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2010. 408 с.

18а. Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 389 (Литовская метрика). Д. 6 (Книга 6 записей).

19. РГАДА. Ф. 389. Д. 7 (Книга 7 записей).

20. РГАДА. Ф. 389. Д. 8 (Книга 8 записей).

21. РГАДА. Ф. 389. Д. 9. (Книга 9 записей).

22. РГАДА. Ф. 389. Д. 10. (Книга 10 записей).

23. РГАДА. Ф. 389. Д. 11. (Книга 11 записей).

24. РГАДА. Ф. 389. Д. 12. (Книга 12 записей).

25. РГАДА. Ф. 389. Д. 14. (Книга 14 записей).

26. РГАДА. Ф. 389. Д. 13. (Книга 13 записей).

27. РГАДА. Ф. 389. Д. 15. (Книга 15 записей).

28. РГАДА. Ф. 389. Д. 17. (Книга 17 записей).

29. РГАДА. Ф. 389. Д. 21. (Книга 15 записей).

30. РГАДА. Ф. 389. Д. 24. (Книга 16 записей).

31. РГАДА. Ф. 389. Д. 27. (Книга 27 записей).

32. РГАДА. Ф. 389. Д. 28. (Книга 28 записей).

33. РГАДА. Ф. 389. Д. 29. (Книга 29 записей).

34. РГАДА. Ф. 389. Д. 39 (Книга 39 записей).

35. РГАДА. Ф. 389. Д. 41 (Книга 41 записей).

36. РГАДА. Ф. 389. Д. 57 (Книга 57 записей).

37. РГАДА. Ф. 389. Д. 58 (Книга 58 записей).

37а. РГАДА. Ф. 389. Д. 70 (Книга 70 записей).

38. РГАДА. Ф. 389. Д. 76 (Книга 76 записей).

39. РГАДА. Ф. 389. Д. 83 (Книга 83 записей).

40. РГАДА. Ф. 389. Д. 84 (Книга 84 записей).

41. РГАДА. Ф. 389. Д. 85 (Книга 85 записей).

42. РГАДА. Ф. 389. Д. 86 (Книга 86 записей).

43. РГАДА. Ф. 389. Д. 89 (Книга 89 записей).

44. РГАДА. Ф. 389. Д. 93 (Книга 93 записей).

45. РГАДА. Ф. 389. Д. 104 (Книга 104 записей).

45а. РГАДА. Ф. 389. Д. 166 (Книга 166 записей).

46. РГАДА. Ф. 389. Д. 226 (Книга 7 судных дел).

47. РГАДА. Ф. 389. Д. 231 (Книга 12 судных дел).

48. РГАДА. Ф. 389. Д. 235 (Книга 20 судных дел).

49. РГАДА. Ф. 389. Д. 254 (Книга 40 судных дел).

50. РГАДА. Ф. 389. Д. 259 (Книга 45 судных дел).

51. РГАДА. Ф. 389. Д. 277 (Книга 63 судных дел).

52. РГАДА. Ф. 389. Д. 282 (Книга 68 судных дел).

53. РГАДА. Ф. 389. Д. 287 (Книга 73 судных дел).

54. РГАДА. Ф. 389. Д. 569 (Книга 12 переписей. Ревизия татарских имений Великого княжества Литовского).

55. Родословная книга князей российских и выезжих. М.: Университетская Типография Н. Новикова, 1787. Ч. 1. 393 с.

56. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 30. Литовская метрика. Отделы первый-второй. Ч. 3: Книги публичных дел. Т. 1. Юрьев, 1914. IV с. + 30 с. + 896 стб. + 44 с.

57. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 33. Литовская метрика. Часть 3: Книги публичных дел. Переписи войска литовского. Петроград, 1915. II с. + 1378 стб.
58. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л.: АН СССР, 1941. 310 с.
59. Archiwum Główne Akt Dawnych (Главный архив древних актов, Main archive of ancient acts). [далее: AGAD]. Archiwum Skarbu Koronnego [далее: ASK], dział 85. (Rejestrzy popisowe wojska koronnego, реестры переписей коронных войск). Sygn.69 (mf 4603).
60. AGAD. ASK. Dział 85. Sygn. 70 (mf 4604).
61. AGAD. ASK. Dział 85. Sygn. 71 (mf 4605).
- 61a. AGAD. ASK. Dział 85. Sygn. 72 (mf 4606).
62. AGAD. ASK. Dział 85. Sygn. 73 (mf 4608).
- 62a. AGAD. ASK. Dział 85. Sygn. 74 (mf 4609).
63. AGAD. ASK. Dział 85. Sygn. 75 (mf 4610).
- 63a. AGAD. ASK. Dział 85. Sygn. 78 (mf 4613).
- 63b. AGAD. ASK. Dział 85. Sygn. 82 (mf 4617).
64. AGAD. ASK. Dział 85. Sygn. 88 (mf 4623).
65. AGAD. ASK. Dział 85. Sygn. 95 (mf 4630).
66. Borawski P. Tatarskie chorągwie plemienne w armii Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI i pierwszej połowie XVII w. // Acta Baltico-Slavica. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979. T. XII. S. 133–167.
67. Borawski P. Tatarzy w dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa, Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1986. 317 s.
68. Borawski P., Dubiński A. Tatarzy polscy: dzieje, obrzędy, legendy, tradycje. Warszawa: Iskry, 1986. 272 s.
69. Czyżewski P. Alfurkan tatarski na czterdzieści części podzielony [Wilno], 1617. 80 s.
70. Dumin S. Herbarz rodzin tatarskich Wielkiego Księstwa Litewskiego [Гербовник татарских семей Великого княжества Литовского]. Gdańsk: Związek Tatarów RP, 2006. 186 s. + 96 s. kolor. ill.
71. Dumin S. *Tradycje genealogiczne i legendy rodowe Tatarów litewskich* [Генеалогические традиции и родовые легенды литовских татар] // Tatarzy Wielkiego Księstwa Litewskiego w historii, języku i kulturze / Татары Великого княжества Литовского в истории, языке и культуре / The Tatars of the Grand Duchy of Lithuania in History, Language, and Culture. Torun: Toruńskie Towarzystwo Naukowe, 2013. P. 61–89.
72. Dumin S., Jakubauskas A., Sitydkov G. *Tatarskie Biografie. Tatarzy polsko-litewscy w historii i kulturze*. Białystok: Muzułmański Związek Religijny w RP. Najwyższe Kolegium. 2012. 232 s.
73. Dziadulewicz S. *Herbarz rodzin tatarskich w Polsce*. Wilno: Skład główny w Polskim antykwariacie naukowym. Nakładem autora z zasiłkiem komitetu Funduszu Kultury Narodowej, 1929. 498 s.
74. Kolankowski L. *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów*. Warszawa, T. 1. 1377 – 1499. Warszawa: Skład główny Kasa im. Mianowskiego 1930. IX, 474 s.
75. Kryczyński S. *Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej* (Les Tatares lithuaniens. Esquisse d'une monographie historique et généalogique). [Warszawa, 1938]. Wyd. II. Gdańsk: Rada Centralna i Oddział w Gdańsku Związku Tatarów Polskich, 2000. 278 s.
76. Lietuvos valstybes istorijos archyvas (Центральный государственный исторический архив Литвы). [далее: LVIA], Senejos aktas (Древние акты) [далее: SA]. B. 111.
77. LVIA. SA. B. 3464.

78. LVIA. SA. B. 5917.
79. LVIA. SA. B. 6108.
80. LVIA. F. 1276 (Графы Плятеры). Ар. 1. В. 606.
81. *Metryka Litewska. Rejestry podymnego Wielkiego Księstwa Litewskiego. Województwo nowogródzkie 1690 r.* / Pod red. A. Rachuby. Opracowali H. Lulewicz, A. Rachuba. Warszawa: Neriton, 2002. 290 s.
82. Strykowski M. *O początkach. wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego, przedtym nigdy od żadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bożego a uprzejmie pilnego doświadczenia.* Warszawa: PIW, 1978. 763 s.
82a. Tyszkiewicz J. *Ostatnia wojna z Zakonem Krzyżackim 1519–1521.* Warszawa: PWN, 1991. 158 p.
83. Tyszkiewicz J. *Tatarzy na Litwie i w Polsce.* Warszawa: PWN, 1989. 344 s.
84. *Uruski S. Rodzina. Herbarz szlachty polskiej.* Warszawa: Gebethner i Wolff, 1905. T. II. 404 s.
85. Wolff J. *Kniazowie litewsko-ruscy od końca XIV wieku.* Warszawa: Gebethner i Wolff, 1895. 698 s.

Сведения об авторе: Станислав Владимирович Думин – кандидат исторических наук, президент Российской генеалогической федерации (111250, а.я. 54, Москва, Российская Федерация); вице-предводитель и герольдмейстер Российского Дворянского Собрания (109028, Покровский бульвар, дом 8, стр. 2А, Москва, Российская Федерация). E-mail: stanislaw.dumin@yandex.ru

Поступила 26.04.2016 г.

Принята к публикации 13.06.2016 г.

THE TATAR TSAREVITCHES IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA (15TH – 18TH CENTURIES)

S.V. Dumin^{1,2}

¹ *Russian Federation of Genealogy
Moscow 111250, Russian Federation*

² *Assembly of the Russian Nobility
Moscow 109028, Russian Federation
E-mail: stanislaw.dumin@yandex.ru*

The article is devoted to the genealogy of the three families of the Tatar tsarevitches (Soltans), settled in the Grand Duchy of Lithuania in the 15th or early 16th century. The first of these (extinct until the mid 16th century) descended from “tsarevitch Sihdohman from Perekop” (in all probability, from khan Sidi Ahmed). The second, tsarevitches Ostrynsky (extinct in the early 17th century), were descendants of the Crimean Giray dynasty. The third, “tsarevitches Zavalzhsky”, called later “tsarevitches Punsky”, were the descendants of Halleck-Soltan, nephew of the last khan of the Great Horde Shah Ahmat (Sheikh Ahmed) and they still existed in the first half of the 18th century. At the beginning of the 16th century these tsarevitches maintained their contacts with the Great Horde and Crimea and played some role in the diplomatic relations of the Grand Duchy and Tatar khanates. Later, they turned into ordinary military landowners, though they occupied the honored place in

the Lithuanian Tatar aristocracy and retained their traditional title of tsarevitches (though often they also titled princes, like other noble Tatars).

Keywords: Lithuanian Tatars, Chinggisids (Jochids), tsarevitches (soltans), Ostrynski, Punsky, Shah Ahmat (Sheikh Ahmed), Meghli-Giray, Grand Duchy of Lithuania, Great Horde, Crimean Khanate.

For citation: Dumin S.V. The Tatar Tsarevitches in the Grand Duchy of Lithuania (15th–18th centuries). *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 2, pp. 385–419.

REFERENCES

1. *Akty izdavaemye Vilenskoyu komissiyeyu dlya razbora drevnikh aktov* [Acts Published by Commission for Analysis of Ancient Acts of Vilna] (futher: AVAK), vol. 31. *Akty o litovskikh tatarakh* [Acts regarding the Lithuanian Tatars]. Vilna, 1903. XL+586 p. (In Russian)
2. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [Research on the Tsars and the Tsarevitches of Kasimov]. St. Petersburg, 1863. Part 1. 558 p. (In Russian)
3. Grekov I.B. *Ocherki po istorii mezhdunarodnykh otnosheniy Vostochnoy Evropy XIV–XVI vv.* [Sketches on the History of International Relations of Eastern Europe in the 14th–16th centuries]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1963. 375 p. (In Russian)
- 3a. Dumin S.V. Asanchuk (Sanchuk, Osanchuk)-ulan, knyaz' (prince). Dumin S., Sitdykov G., Yakubauskas A. *Litovskie tatar'y v istorii i kul'ture* [Lithuanian Tatars in the History and Culture]. Kaunas, Soyuz obshchin tatar Litvy, 2012, pp. 239–240. (In Russian)
4. Dumin S.V. Astrynskiy (Ostrynskiy, tsarevitches). *Entsyklapedyya gistoryi Belarusi* [Encyclopedia of Belarusian History]. Vol. I. Minsk, Belaruskaya entsyklapedyya, 1993, p. 226. (In Belarusian)
5. Dumin S.V. Kanapatskiy I.B. *Belaruskiya tatar'y: minulae i suchasnasts'* [Belarusian Tatars: Past and Present]. Minsk, Polymya, 1993. 208 p. (In Belarusian)
6. Dumin S.V. Dorota Kadyshevna Petrovichevna. Dumin S., Sitdykov G., Yakubauskas A. *Litovskie tatar'y v istorii i kul'ture* [Lithuanian Tatars in the History and Culture]. Kaunas, Soyuz obshchin tatar Litvy, 2012, p. 272. (In Russian)
- 6a. Dumin S.V. Kodzhel'(Adzen, Kodzen)-ulan, knyaz' [prince]. Dumin S., Sitdykov G., Yakubauskas A. *Litovskie tatar'y v istorii i kul'ture* [Lithuanian Tatars in the History and Culture]. Kaunas, Soyuz obshchin tatar Litvy, 2012, p. 281. (In Russian)
7. Dumin S.V. Olishko Kazkevich (Kaskovich). Dumin S., Sitdykov G., Yakubauskas A. *Litovskie tatar'y v istorii i kul'ture* [Lithuanian Tatars in the History and Culture]. Kaunas, Soyuz obshchin tatar Litvy, 2012, p. 320. (In Russian)
- 7a. Dumin S.V. Ulan Osanchukovich Nurum Maykovich, knyaz' [prince]. Dumin S., Sitdykov G., Yakubauskas A. *Litovskie tatar'y v istorii i kul'ture* [Lithuanian Tatars in the History and Culture]. Kaunas, Soyuz obshchin tatar Litvy, 2012, pp. 373–374. (In Russian)
8. Dumin S., Sadykov G., Yakubauskas A. Lietuvos totoriai istorijoje ir kulturoje = *Litovskie tatar'y v istorii i kul'ture* [Lithuanian Tatars in the History and Culture]. Izd. 2-e, ispr., dop. Kaunas: Soyuz obshchin tatar Litvy, 2012. 432 p. (bilingual edition, texts in parallel in Lithuanian and Russian language). (In Russian)
9. Dumin S.V. Litovskaya vet' knyazey Shirinskikh [Lithuanian branch of the princes Shirinsky]. *Dvoryanskie rody Rossiyskoy imperii*. Vol. 3. *Knyaz'ya* [Aristocratic Families of the Russian Empire. Vol. 3. The Princes]. Moscow: Likominvest, 1996. S. 199–200. (In Russian)
10. Dumin S.V. *Ostrynskiy Dzhanay (Dchanay) Azyubek-Soltanovich*. Dumin S., Sitdykov G., Yakubauskas A. *Litovskie tatar'y v istorii i kul'ture* [Lithuanian Tatars in the History and Culture]. Kaunas, Soyuz obshchin tatar Litvy, 2012, p. 322. (In Russian)

11. Dumin S.V. Tatarskaya rodovaya geral'dika v Velikom knyazhestve Litovskom [Tatar Patrimonial Heraldry in Grand Duchy of Lithuania]. *Lietuvos Didziosios Kunigaikstysės kalbos, kultūros ir rastiijos tradicijos*. Vilnius, Lietuvių kalbos institutas, 2009, pp. 311–332. (In Russian)
- 11a. Dumin S.V. Tatarskie knyaz'ya v Velikom knyazhestve Litovskom [Tatar Princes in Grand Duchy of Lithuania]. *Acta Baltico-Slavica*. Т. XX. 1989. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1991, pp. 7–49. (In Russian)
12. Dumin S.V. Tatarskie tsarevichi v Velikom knyazhestve Litovskom (XV–XVI vv.) [Tatar Tsarevitches in Grand Duchy of Lithuania (the 15th–16th centuries)]. *Drevneyshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya*. 1987 [The Most Ancient States in the Territory of the USSR. Materials and researches. 1987]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 107–113. (In Russian)
13. *Natsional'nyy istoricheskiy arkhiv Belarusi* [National Historical Archive of Belarus] (further: NIAB). F. 616 (Court of the castle of Novogrudok). Op. 1. D. 85. (In Russian)
14. *Natsional'nyy istoricheskiy arkhiv Belarusi* [National Historical Archive of Belarus], fond 1730 (Court of the castle of Novogrudok). Op. 1. D. 3. (In Russian)
15. *Natsional'nyy istoricheskiy arkhiv Belarusi* [National Historical Archive of Belarus], fond 1730 (Court of the castle of Novogrudok). Op. 1. D. 93. (In Russian)
16. *Natsional'nyy istoricheskiy arkhiv Belarusi* [National Historical Archive of Belarus], fond 1774 (Territorial court of Novogrudok). Op. 1. D. 139. (In Russian)
17. *Polnoe sobranie russkikh letopisey, izdavaemoe Arkheograficheskoyu Komissieyu* [Complete Collection of Russian Chronicles] Vol. 35. *Letopisi belorussko-litovskie* [Lithuanian-Belorussian Chronicles]. Sost. i avtor predisl. N.N. Ulashchik. Moscow, Nauka, 1980. 306 p. (In Russian)
18. Pochekaev R.Yu. *Tsari Ordynskie: Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ordyy* [Tzars of the Horde. Biographies of Khans and Rulers of the Golden Horde]. St. Petersburg, Evraziya, 2010. 406 p. (In Russian)
- 18a. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts] (further: RGADA). Fond 389 (Lithuanian Metrica), no. 6 (Kniga 7 zapisey). (Inscription Book no. 6). (In Russian)
19. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 7 (Kniga 7 zapisey) (Inscription Book no. 7). (In Russian)
20. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 8 (Kniga 8 zapisey). (Inscription Book no. 8). (In Russian)
21. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 9. (Kniga 9 zapisey). (Inscription Book no. 9). (In Russian)
22. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 10. (Kniga 10 zapisey). (Inscription Book no. 10). (In Russian)
23. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 11. (Kniga 11 zapisey). (Inscription Book no. 11). (In Russian)
24. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 12. (Kniga 12 zapisey). (Inscription Book no. 12). (In Russian)
25. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 13. (Kniga 13 zapisey). (Inscription Book no. 13). (In Russian)
26. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 14. (Kniga 14 zapisey). (Inscription Book no. 14). (In Russian)
27. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 15. (Kniga 15 zapisey). (Inscription Book no. 15). (In Russian)
28. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 17. (Kniga 17 zapisey). (Inscription Book no. 17). (In Russian)
29. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 21. (Kniga 21 zapisey). (Inscription Book no. 21). (In Russian)

30. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 24. (Kniga 24 zapisey). (Inscription Book no. 24). (In Russian)
31. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 27. (Kniga 27 zapisey). (Inscription Book no. 27). (In Russian)
32. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 28. (Kniga 28 zapisey). (Inscription Book no. 28). (In Russian)
33. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 29. (Kniga 29 zapisey). (Inscription Book no. 29). (In Russian)
34. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 39 (Kniga 39 zapisey). (Inscription Book no. 39). (In Russian)
35. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 41 (Kniga 41 zapisey). (Inscription Book no. 41). (In Russian)
36. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 57 (Kniga 57 zapisey). (Inscription Book no. 57). (In Russian)
37. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 58 (Kniga 58 zapisey). (Inscription Book no. 58). (In Russian)
- 37a. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 70 (Kniga 70 zapisey). (Inscription Book no. 76). (In Russian)
38. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 76 (Kniga 76 zapisey). (Inscription Book no. 70). (In Russian)
39. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 83 (Kniga 83 zapisey). (Inscription Book no. 83). (In Russian)
40. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 84 (Kniga 84 zapisey). (Inscription Book no. 84). (In Russian)
41. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 85 (Kniga 85 zapisey). (Inscription Book no. 85). (In Russian)
42. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 86 (Kniga 86 zapisey). (Inscription Book no. 86). (In Russian)
43. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 89 (Kniga 89 zapisey). (Inscription Book no. 89). (In Russian)
44. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 93 (Kniga 93 zapisey). (Inscription Book no. 93). (In Russian)
45. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 104 (Kniga 104 zapisey). (Inscription Book no. 104). (In Russian)
- 45a. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 166 (Kniga 166 zapisey). (Inscription Book no. 166). (In Russian)
46. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 226 (Kniga 7 sudnykh del). (Judicial Book no. 7). (In Russian)
47. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 231 (Kniga 12 sudnykh del). (Judicial Book no. 12). (In Russian)
48. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 235 (Kniga 20 sudnykh del). (Judicial Book no. 20). (In Russian)
49. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 254 (Kniga 40 sudnykh del). (Judicial Book no. 40). (In Russian)
50. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 259 (Kniga 45 sudnykh del). (Judicial Book no. 45). (In Russian)
51. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 277 (Kniga 63 sudnykh del). (Judicial Book no. 63). (In Russian)
52. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 282 (Kniga 68 sudnykh del). (Judicial Book no. 68). (In Russian)
53. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 287 (Judicial Book no. 73). (In Russian)

54. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fond 389, no. 569 (Land Survey Book no.12. Audit of the Tatar manors of Grand Duchy of Lithuania). (In Russian)

55. *Rodoslovnaya kniga knyazey rossiyskikh i vyezhhikh* [Genealogical Book of the Russian and Arriving Princes]. Moscow, Universitetskaya Tipografiya N. Novikova, 1787. Part 1. 393 p. (In Russian)

56. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoy komissiey*. Tom 30. *Litovskaya metrika. Otdely pervyy-vtoroy. Chast' 3: Knigi publichnykh del*. T. 1. [The Russian Historical Library Published by Archeographic Commission. Volume 33. Lithuanian Metrica. Part 3: Books of Public Affairs]. Yuryev, 1914. IV p. + 30 p. + 896 cols. + 44 p. (In Russian)

57. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoy komissiey*. Tom 33. *Litovskaya metrika. Chast' 3: Knigi publichnykh del. Perepisi voyska litovskogo* [The Russian Historical Library Published by Archeographic Commission. Volume 33. Lithuanian Metrica. Part 3: Books of Public Affairs. Censuses of the Lithuanian Army]. Petrograd, 1915. II p. + 1378 cols. (In Russian)

58. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy*. [Collection of Materials Related to the Golden Horde History.]. Moscow–Leningrad, AN SSSR, 1941. 310 p. (In Russian)

59. *Archiwum Główne Akt Dawnych (further AGAD)*. Archiwum Skarbu Koronnego [further: ASK], dział 85. (Rejestry popisowe wojska koronnego) (the census registers of the Polish crown troops). Sygn.69 (mf 4603).

60. *AGAD*. ASK. Dział 85. Sygn. 70 (mf 4604).

61. *AGAD*. ASK. Dział 85. Sygn. 71 (mf 4605).

61a. *AGAD*. ASK. Dział 85. Sygn. 72 (mf 4606).

62. *AGAD*. ASK. Dział 85. Sygn. 73 (mf 4608).

62a. *AGAD*. ASK. Dział 85. Sygn. 74 (mf 4609).

63. *AGAD*. ASK. Dział 85. Sygn. 75 (mf 4610).

63a. *AGAD*. ASK. Dział 85. Sygn. 78 (mf 4613).

63b. *AGAD*. ASK. Dział 85. Sygn. 82 (mf 4617).

64. *AGAD*. ASK. Dział 85. Sygn. 88 (mf 4623).

65. *AGAD*. ASK. Dział 85. Sygn. 95 (mf 4630).

66. Borawski P. Tatarskie chorągwie plemienne w armii Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI i pierwszej połowie XVII w. *Acta Baltico-Slavica*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979. T. XII, pp. 133–167.

67. Borawski P. *Tatarzy w dawnej Rzeczypospolitej*. Warszawa, Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1986. 317 p.

68. Borawski P., Dubiński A. *Tatarzy polscy: dzieje, obrzędy, legendy, tradycje*. Warszawa: Iskry, 1986. 272 p.

69. Czyżewski P. *Alfurkan tatarski na czterdzieści części podzielony*. [Wilno], 1617. 80 p.

70. Dumin S. *Herbarz rodzin tatarskich Wielkiego Księstwa Litewskiego* [Armorial of the Tatar families of the Grand Duchy of Lithuania]. Gdańsk: Związek Tatarów RP, 2006. 186 p. + 96 p. color. ill.

71. Dumin S. Tradycje genealogiczne i legendy rodowe Tatarów litewskich [Genealogical traditions and patrimonial legends of the Lithuanian Tatars]. *Tatarzy Wielkiego Księstwa Litewskiego w historii, języku i kulturze. Tatarzy Velikogo Knyazhestva Litovskogo v istorii, jazyke i kul'ture / The Tatars of the Grand Duchy of Lithuania in History, Language, and Culture*. Toruń, Toruńskie Towarzystwo Naukowe, 2013, pp. 61–89.

72. Dumin S., Jakubauskas A., Sitydkov G. *Tatarskie Biografie. Tatarzy polsko-litewscy w historii i kulturze*. Białystok, Muzułmański Związek Religijny w RP. Najwyższe Kolegium. 2012. 232 p.

73. Dziadulewicz S. *Herbarz rodzin tatarskich w Polsce*. Wilno, Skład główny w Polskim antykwariacie naukowym. Nakładem autora z zasiłkiem komitetu Funduszu Kultury Narodowej, 1929. 498 p.

74. Kolankowski L. *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów*. Warszawa, vol. 1. 1377–1499. Warszawa, Skład główny Kasa im. Mianowskiego 1930. IX, 474 p.

75. Kryczyński S. *Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej (Les Tatares lithuaniens. Esquisse d'une monographie historique et généalogique)*. [Warszawa, 1938]. Wyd. II. Gdańsk, Rada Centralna i Oddział w Gdańsku Związku Tatarów Polskich, 2000. 278 p.

76. *Lietuvos valstybes istorijos archyvas* (Central State historical archive of Lithuania). [further: LVIA], Senejos aktas (Ancient acts) [further: SA]. B. 111.

77. LVIA. SA. B. 3464.

78. LVIA. SA, B. 5917.

79. LVIA. SA. B. 6108.

80. LVIA. F. 1276 (Counts Plater). Ap. 1. B. 606.

81. *Metryka Litewska. Rejestry podymnego Wielkiego Księstwa Litewskiego. Województwo nowogródzkie 1690 r.* Pod red. A. Rachuby. Opracowali H. Lulewicz, A. Rachuba. Warszawa, Neriton, 2002. 290 p.

82. Strykowski M. *O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego, przedtym nigdy od żadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bożego a uprzejmie pilnego doświadczenia*. Warszawa, PIW, 1978. 763 p.

82a. Tyszkiewicz J. *Ostatnia wojna z Zakonem Krzyżackim 1519–1521*. Warszawa, PWN, 1991. 158 p.

83. Tyszkiewicz J. *Tatarzy na Litwie i w Polsce*. Warszawa, PWN, 1989. 344 p.

84. Uruski S. *Rodzina. Herbarz szlachty polskiej*. Warszawa, Gebethner i Wolff, 1905. Vol. II. 404 p.

85. Wolff J. *Kniaziowie litewsko-ruscy od końca XIV wieku*. Warszawa, Gebethner i Wolff, 1895. 698 p.

About the autor: Stanislav V. Dumin – Cand. Sci. (History), President, Russian Federation of Genealogy (Post Box 54, Moscow 111250, Russian Federation); Vice-President and Chief Herald, Assembly of the Russian Nobility (8, 2A str., Pokrovsky blvd., Moscow 109028, Russian Federation). E-mail: stanislav.dumin@yandex.ru

Received April 26, 2016

Accepted for publication June 13, 2016